

Серый коршун

Автор:

[Андрей Валентинов](#)

Серый коршун

Андрей Валентинов

Древняя Греция Микенский цикл #1

Трудно ли быть царем? Самозванцу из далекого Вавилона приходится нелегко на престоле Златообильных Микен. Порою легче договориться с богами, чем с людьми; а есть еще кентавры, киклопы и многое другое, во что просвещенный вавилонянин отказывается верить. А ко всему еще и главная загадка: кто он сам, «Серый Коршун»: чужак на троне, человек с чужой памятью – или все-таки пропавший царевич?

Андрей Валентинов

Серый коршун

Ибо всякой вещи есть свой срок и приговор,

Ибо зло на совершившего тяжело ляжет;

Ибо никто не знает, что еще будет,

Ибо о том, что будет, кто ему объявит?

Нет человека, властного над ветром,

И над смертным часом нет власти,

И отпуска нет на войне.

Все из праха, и все возвратится в прах...

Книга Экклезиаст

I. Повесть о царском мушкенуме[1 - Мушкенум - царский служащий в Вавилоне.]

Я - Клеотер, ванакт[2 - Ванакт - титул правителя в микенской Греции, условно аналогичный царскому или императорскому.] в Ахайе, ванакт в Микенах и Аргосе, сын Главка, внук Гипполоха, потомок Дия, Отца богов.

ГОВОРИТ КЛЕОТЕР-ЦАРЬ: «Мой отец - Главк, отец Главка - Гипполох, отец Гипполоха - Арейфоой, отец Арейфооя - Главк, отец Главка - Дий. Искони мы пользуемся почетом, искони наш род был царственным. Четверо из моего рода были до меня царями. Я - пятый. Дий, Отец богов, мой бог и мой предок, дал мне царство».

ГОВОРИТ КЛЕОТЕР-ЦАРЬ: «Царство мое было мне подвластно. Все, что я приказывал - ночью ли, днем ли, - исполнялось. В моем царстве каждого, кто был лучшим, я награждал, каждого, кто был враждебным, - строго карал. По воле Дия, Отца богов, царство следовало моим законам. Дий, Отец богов, дал мне это царство. Дий, Отец богов, помог мне, чтобы я овладел Микенами, и Аргосом, и всей Ахайей. По воле Дия, Отца богов, я владею моим царством».

ГОВОРИТ КЛЕОТЕР-ЦАРЬ: «Вот что сделано мною для того, чтобы выполнить волю Дия, Отца богов, и стать царем...»

Алеф[3 - Название разделов - согласно буквам финикийского алфавита.]

«Я понял»

Я понял – без драки не обойдется.

Четверо, сидевшие за соседним столом, давно уже косились в мою сторону, время от времени обмениваясь громкими фразами, – без сомнения, рассчитывая, что я услышу. Старались они зря: компания изъяснялась не на языке Хаттусили[4 - Хаттусили – хеттская держава.] и даже не на лидийском, а на чудовищном местном койне, которое я впервые услышал только здесь, в Вилюсе[5 - Вилюса – Илион.]. Перевода, однако, не требовалось. Речь определенно шла о моей скромной персоне, причем мнение складывалось не в мою пользу. Вид у этой четверки был самый что ни на есть разбойничий – типичное отребье, которое часто попадает в портовых харчевнях: на поясе у каждого – нож, и все четверо – явно не дураки подраться.

Эта шайка – не самое страшное из того, что по воле Адада[6 - Адад – один из богов Вавилона. Далее упоминаются также боги Аннуаки, Бел-Мардук, богиня Иштар и чудище Тиамат.] пришлось повидать. Дело в другом – начнись заваруха, к ним присоединится половина всей той сволочи, что заполнила харчевню. А я был чужаком и казался законной добычей. Местные напрашивались, и я мысленно помянул Аннуаков и все милости их.

Сообразив, что я могу не понимать здешней тарабарщины, один из четверки – здоровенный детина в желтом грязном плаще – внезапно выпучил глаза и сделал рукою жест, явно изображающий бороду. Все вместе, очевидно, должно было обозначать мой портрет. Заметив, что я слежу за ним, детина поспешил удовлетворить мое законное любопытство и вновь прибег к языку жестов, изобразив нечто настолько понятное, что я вздохнул и начал не спеша приподниматься. Четверка загоготала и поспешила вскочить. Кривой коротышка, у которого, как я успел заметить, не хватало двух пальцев на руке, что-то крикнул и тоже попытался изобразить мою бороду. Получилось это не лучшим образом, но я понял. Значит, моя борода им не по душе...

Обидно! То, что пыталось расти на подбородках моих новых знакомых, куда более достойно иронии. Своей бородой я искренне гордился, всегда стараясь, чтобы она была в порядке. Бороду я носил по-ассурски, стремясь придать ей форму не хуже, чем у гвардейцев Нина[7 - Нин – Ниневия, столица Ассирии

(Ассура).]. В последние годы эта мода широко распространилась в Баб-Или[8 - Баб-Или — «Врата бога» - Вавилон.], и прежде всего среди нас, «серых коршунов». Но здесь, в Вилюсе, моды явно другие.

...Ножи были уже в руках, поблескивая темной бронзой. Шум в харчевне начал стихать, кое-кто уже вставал, предвкушая привычное зрелище. Похоже, в этой дыре поножовщина случалась каждый вечер, и я еще раз ругнул себя за дурость, заставившую на ночь глядя завернуть в этот приветливый уголок. У нас в Баб-Или подобное заведение давно бы прикрыли, и я первый побеспокоился бы об этом.

Ладно, кажется, пора...

Шакалы медленно приближались, рожи кривились наглыми ухмылками, а публика уже начала вопить, подбадривая героев. Я понял: как только они увидят кровь – мою кровь, – на меня кинется вся стая. Значит, предстоит не драка, а резня, и действовать следует так, словно передо мною не портовое отребье из славного города Вилюсы, а эламские щитоносцы. Я еще раз взглянул на тех, кому так не нравилась моя борода. Из всей четверки стоило опасаться только двоих: главаря в желтом плаще и его соседа – рыжего здоровяка, чья рожа была украшена здоровенными прыщами. Значит, они пойдут первым номером. Старое правило: вначале бей самого сильного...

Желтый плащ был уже рядом. Гнилозубая пасть ощерилась – главарь явно хотел что-то сказать, то ли мне, то ли своим товарищам. Ошибка – вторая и последняя. Первой, естественно, была та, что он вообще решил взглянуть в мою сторону – на мирного путника, зашедшего выпить здешнего мерзкого вина.

Секира, до этого стоявшая у деревянной ножки табурета, мигом очутилась у меня в руках. Было тесно, и я не стал размахиваться. Этого и не требовалось – лапа с ножом была рядом, достаточно только чуть податься вперед... Тускло сверкнула «черная бронза» – и рука с ножом, отсеченная почти у самого локтя, упала на грязный пол. Главарь пошатнулся и, вероятно, завопил, прежде чем опуститься на колени и упасть на бок, но в такие мгновения плохо различаешь звуки. Секира уже зависла над головой прыщавого. В последний миг вспомнив, что предстоит еще разбираться со здешними властями, я чуть повернул рукоять. Тяжелый обух припечатал прыщавого по его непутевой башке. Третий удар –

тоже обухом – достался коротышке, угодив ему в челюсть. Коротышке вполне хватило, и я решил заняться четвертым. Но тот уже отступал, отчаянно вопя и размахивая ножом. Разрубить ему череп не представляло ни малейшей трудности, но я вновь вспомнил, что в любой миг сюда могут зайти стражники. Я отскочил назад и прислонился к стене.

Главарь лежал в кровавой луже, пытаюсь зажать обрубок левой рукой, прыщавый валялся рядом, а коротышка вместе с четвертым, которого я даже не успел как следует разглядеть, были уже у дверей. Шум в зале стих. Стая, еще миг назад готовая рвать меня на части, призадумалась. Добыча кусалась.

Теперь следовало немедленно уходить, и лучше всего – в дверь, поскольку окно, находившееся как раз за моей спиной, было слишком узким. Но у двери сгрудилось не менее дюжины мордатых ублюдков, некоторые уже успели достать ножи. Пробриться возможно, но тогда пришлось бы рубить по-настоящему, без жалости. Конечно, никакого сочувствия к здешней публике я не ощущал, но мне было жалко себя: местный суд вполне может расценить это как предумышленное убийство, а защищать меня, чужака, никто не станет.

Текли мгновения, на полу хрипел главарь, визжал коротышка, и я понял, что начинаю терять инициативу. И тут послышался резкий крик: высокий широкоплечий парень в богатом, расшитом золотом фаросе[9 - Фарос – плащ.] встал из-за стола и что-то решительно бросил в сторону онемевших завсегдатаев.

...На фарос я обратил внимание прежде всего. Богатый плащ! У нас в Баб-Или его можно продать за десять мин – а то и за все двенадцать. Получи я такой при разделе добычи, то чувствовал бы себя вполне счастливым минимум полгода. Интересно, как такой плащ решился заглянуть в здешнюю дыру? Возможно, потому, что тут недолюбливали бородатых, а у его владельца бороды не было. Красивый парень, явно не из простых. И нездешний – не хеттиец, не лидиец, и, конечно, не из Ассира или Баб-Или.

Впрочем, обо всем этом подумалось позже. В тот момент меня интересовало прежде всего то, что этот плащ собирается делать. Парень вновь крикнул и повелительно указал на меня. По толпе прошел шелест, публика начала нерешительно переглядываться. Тогда владелец фароса неторопливо достал из

ножен, болтавшихся у расшитого золотом пояса, меч и, подойдя ко мне, стал рядом.

Итак, у меня появился союзник. Я возблагодарил великого Адада, подателя всех благ. Парень что-то сказал мне, а затем вновь повернулся к толпе. Но та уже расползалась по углам, угрюмо переглядываясь и ворча. Проход освободился. Терять время было грешно, и мы, не сговариваясь, бросились вперед. Впрочем, бежать не следовало. У порога я остановился и, повернувшись, еще раз продемонстрировал секиру. В ответ послышалось недовольное рычание, но я не стал ввязываться в спор и шагнул на темную улочку, где меня уже ждал мой новый знакомый. Я показал рукой в сторону невидимой во тьме цитадели, владелец плаща кивнул, и мы зашагали прочь от гостеприимной харчевни. Я задержался лишь на миг, чтобы обтереть лезвие и закинуть секиру за спину. Бродить по улицам с «черной бронзой» не стоило – первый же отряд стражников мог ее отобрать, польстившись на редкое в здешних местах оружие.

...Секиры было бы жаль – я честно отобрал ее у эламитского сотника, после того как проткнул ему горло копьем. Это было два года назад, в битве у ворот Баб-Или, когда наш отряд пытался спасти лугалья Апиль-Амурру. Бой мы выиграли, но на следующий день лугаль умер от полученной накануне раны, и городской совет Баб-Или предпочел открыть ворота. Того, что должно было последовать за этим, я решил не дожидаться и предпочел довериться степному ветру, который понес меня на запад, закинув в конце концов в город Вилюсу у берегов Лилового моря.

Мы шли по пустой ночной улице, вокруг стояла тишина, и я понял, что на этот раз все кончилось. Наверное, мой спутник подумал о том же, поскольку рассмеялся и что-то быстро проговорил, кивая в темноту. Слова показались знакомыми, но я не стал переспрашивать. Парень в плаще вновь засмеялся и заговорил по-хеттийски со странным придыханием. Впрочем, понять было можно:

– Хорошая секира, воин! Такой секирой можно разогнать сотню этих ублюдков. Жаль, что оружие испачкалось в их крови.

– Ей все равно, – я погладил висевшую за плечом «черную бронзу». – Спасибо, что помог.

– Не за что! – парень нетерпеливо взмахнул рукой. – Я только прикрикнул на эту сволочь, и они сразу поджали хвосты. Как тебя зовут, воин? Ты ведь не из Хаттусили?

Я уже собирался ответить и вдруг понял, почему меня так заинтересовало его произношение. Я тоже говорил по-хеттийски неправильно и точно так же глотал звуки, отчего меня далеко не всегда понимали. Еще раз окинув взглядом своего спутника, я решился:

– В Баб-Или, где я служил царским мушкеномом в войске лугалья Апиль-Амурру, меня звали Нургал-Син. Но в той земле, откуда мы оба родом, у меня было другое имя.

Я проговорил это на языке, понятном нам обоим, – на наречии Ахиявы[10 - Ахиява (Ахайя) – в широком смысле – Греция, в узком – Микенское царство; далее упоминается Микаса (Микены) и Аргуса (Аргос)]. Правда, слова пришлось подбирать: за долгие годы родная речь изрядно подзабылась.

Парень вздрогнул, взглянул в упор, а затем широко улыбнулся:

– Радуйся, земляк! Меня зовут Гелен, сын Ифтима. Мой отец был басилеем[11 - Басилей – обычно переводится как «царь». В описываемое время – царский наместник.] неподалеку от крепкостенного Аргоса.

Он не стал спрашивать мое настоящее имя, и я мысленно поблагодарил его за чуткость. Врать этому человеку не хотелось.

– Радуйся, Гелен, сын басылея. Что привело тебя в негостеприимную Вилюсу?

Слова вспоминались не без труда. В Баб-Или не с кем было разговаривать по-ахейски.

– Поиски подходящего корабля, доблестный Нургал-Син. Я собираюсь домой, в Микены.

Мы шли прочь от моря и вскоре оказались возле цитадели. Постоялый двор, где довелось остановиться, находился рядом, но я не спешил. Давно уже не приходилось встречать земляка. К тому же повод для разговора был:

- Странно сплетаются дороги, Гелен, сын басилея. Я тоже искал в порту корабль, чтобы плыть в Ахияву.

Ахайю я называл по-хеттийски, но Гелен понял:

- Ты тоже из Аргоса, Нургал-Син?

- Нет...

Можно было промолчать, но я все же решился:

- Я еду в город Микасу. Когда-то я жил там. Очень давно.

- Микаса? - Гелен на миг задумался. - Так ты из Микен?

Удивительно, почему он не добавил «Златообильных». Странная привычка у моих земляков - подбирать к каждому слову подходящее определение! От этого я тоже отвык - в Баб-Или говорят куда проще.

- Нет, не из Микен, благородный Гелен, сын Ифтима. Я жил в деревушке, название которой и сам теперь не упомяну. Пас коз у местного басилея, а потом меня продали за море, в Тир.

- Так ты из рабов, Нургал-Син?

На этот раз он не добавил «доблестный». Впрочем, я не обиделся.

- Я был тогда не выше колеса от повозки, благородный Гелен, и меня никто не спрашивал. Родные умерли, и некому было заступиться за сироту. Пять лет я вращал мельничный жернов в Тире, пока не нашел более подходящее занятие.

- Стал воином у басилея Баб-Или, - кивнул Гелен.

– У лугалья Баб-Или, – поправил я. – Лугаль – то же, что «ванакт» по-ахейски. Я стал оруженосцем, потом воином, потом десятником, а в последний год – старшим отряда разведчиков. Я был мушкенумом, а это не так уже мало. Особенно для Баб-Или...

...Да, считаться царским мушкенумом – судьба не из худших. У меня имелся дом, было поле, был сад, десяток пленных, работавших в поле, пока я воевал. Мне платили за каждую рану, за каждый синяк, царский тамкар был обязан выкупать меня из плена, а впереди брезжила надежда, что если удастся волею Аннуаков дожить лет до сорока и добыча будет щедрой, то я смогу купить поле – свое, а не царское, – и тогда дети мои станут полноправными подданными великого лугалья Баб-Или. В общем, можно дотянуть до должности сельского старосты или того же тамкара. Хотя доживали редко, особенно после того, как проклятые эламиты стали нападать на наши границы...

Всего этого я не стал объяснять Гелену. У него – свои хлопоты. Сын басилея переплыл Лиловое море явно не от хорошей жизни.

– Если тебе, Нургал-Син, старший отряда разведчиков, жилось хорошо, отчего же ты решил покинуть Баб-Или? Домой потянуло?

На этот вопрос мне часто приходилось отвечать за последние два года, пока я странствовал через Ассур, Митанни и Хаттусили. Обычно я говорил, что домой мне повелел вернуться оракул великого бога Бела Мардука, вещавший из каменной щели на верхней площадке зиккурата. На этот раз захотелось сказать иначе.

– Нет, Гелен, сын басилея. Меня не очень тянуло домой. Я жил в Финикии, в Ассуре, в Баб-Или. Это великие страны, по сравнению с ними Ахиява – не больше крысиной норы. Я ничего не видел доброго на родине. Но лугаль Апиль-Амурру погиб, проклятые эламиты захватили город, и надо было искать другое пристанище. А в Ассуре и Митанни не хотели брать на службу «серого коршуна» из Баб-Или.

Это была правда – отчасти. Меня не ждали в Ассуре, но можно было попроситься на службу к лугалю Исина или поступить в гвардию Хаттусили. Или хотя бы устроиться здесь, в Вилюсе.

– Говорят, ванакту Микен нужны опытные воины, – согласился Гелен. – Он охотно берет чужаков.

– А кто сейчас правит в Микасе? – наивно поинтересовался я.

Мы расстались с Геленом не скоро. На прощанье он посоветовал мне подстричь бороду по местной моде, я же намекнул сыну басилея, что златотканый фарос лучше спрятать до возвращения домой, поскольку он выглядел куда более вызывающе, чем моя борода.

Ночью не спалось. Я никак не мог привыкнуть к здешней грязи и, если бы не холодная погода, давно бы уже перебрался на крышу. Чем дальше на запад, тем постоянные дворы становятся грязнее, города – меньше, а дороги – хуже. А за морем – если верить тому, что мне говорили и что я помнил сам, – меня ждал истинный край света. Каменистая земля, худые козы, цари в домотканых плащах, задымленные лачуги и женщины, которые не моются неделями.

Великая Ахиява – моя родина...

...То, что я узнал от Гелена, почти в точности совпадало с уже слышанным. В Микасе правит великий ванакт Ифимедей, сын Гипполоха, рука его тверда, и меч разит без усталости. Разить приходится все чаще – ванакт правит уже четверть века, и за эти годы недовольных, как водится, расплодилось немало. Посему Ифимедей охотно берет на службу чужеземцев, что вполне устраивает «серого коршуна» Нургал-Сина.

Как я и догадывался, Гелен оказался за морем не по своей воле. Его отец был басилеем на службе ванакта Главка, который, как раз четверть века тому назад, был свергнут и убит своим младшим братом – будущим великим ванаком Ифимедеем. Во время переворота погибли жена Главка и его сын, а только что родившаяся дочь была взята на воспитание дядей.

Эту историю я слышал уже не один раз, правда, с некоторыми вариациями. Кто-то из рассказчиков был уверен, что сын Главка спасся и в царском толосе[12 - Толос – подземная гробница.] на окраине Микасы лежит то ли сын кормилицы, то ли внук привратника. Подобных историй – про перевороты и братоубийство – я немало слышал еще в Баб-Или, и часто они оказывались правдой. Кроме

чудесного спасения, конечно, – в жизни, а не в сказке могилы редко отдают то, что в них положено.

Басилей Ифтим, отец Гелена, предпочел не искушать судьбу и уехать в Хаттусили. Гелен вырос в Троасе[13 - Троаса – Троя. Вилюса (Илион) и Троаса (Троя) – разные города, позже слившиеся в легендарную Троию Гомера.], неподалеку от Вилюсы, и теперь собрался домой. Отчего – сказано не было. Может, ему тоже посоветовал оракул.

На следующее утро мы встретились с Геленом в порту. Предварительно я зашел в первую попавшуюся цирюльню и отдал бороду на растерзание. Цирюльник, насколько я понял из его чудовищного выговора, обещал подстричь ее по последней ахиявской моде, заодно посоветовав остричь волосы, поскольку в Ахияве стригутся коротко. Возражать я не стал, но внутренне содрогнулся, увидев свое отражение в начищенном медном тазике. Вместо доблестного воина с длинными волосами и завитой колечками бородой на меня глядел разбойник со стрижкой «под горшок» и короткой бороденкой, настолько нелепой, что мне захотелось ее немедленно сбрить. Цирюльник, однако, остался доволен, заявив на ломаном хеттийском, что теперь я выгляжу как настоящий ахейский принц. Оказывается, года два назад в Вилюсе был проездом какой-то мелкий энси[14 - Энси – правитель города в Вавилоне.] (то есть, конечно, не энси, а басилей) из Ахиявы, и цирюльник точно запомнил его стрижку. Оставалось лишь покориться судьбе и приобрести в соседней лавке приличный ахейский плащ вкупе с парой хитонов.

Гелен, уже ждавший возле одного из причалов, полностью одобрил мое перевоплощение, мне же было не по себе. Переодеваться приходилось часто – в отряде разведчиков это дело обычное. Но теперь я был не на службе – я возвращался домой. Царский мушкеним из Баб-Или исчез навсегда, а на пристани Вилюсы стоял некто без имени, без предков и без всякой крыши над головой – даже соломенной.

Впрочем, виду я, надеюсь, не показал и отправился вместе с Геленом договариваться на один из кораблей. Судно именовалось «Рея» – в честь матери Дия, Отца богов. Да не обидится Дий, но, судя по кораблю, его почтенная

матушка явно доживает последние дни. Однако корабельщик – крепкий толстяк совершенно пиратского вида – уверил, что его «Рея» доставит пассажиров в Навплию в целости и сохранности. Я невольно вспомнил многопарусные красавцы, которых навидался у причалов Тира и Сидона, и поспешил согласиться. В эту осеннюю погоду корабли, даже такие, как «Рея», плавали по Лиловому морю нечасто.

За переезд толстяк запросил несусветную сумму, которой наверняка хватило бы, чтобы доставить нас в страну Пунт. Гелен не стал торговаться, а я поневоле призадумался. Но тут корабельщик заметил выпирающую из-под плаща секиру и оживился. Оказывается, у него не хватало охраны, а пираты в последние годы явно обнаглели. Я сообщил, что готов охранять корабль все время плавания, и корабельщик тут же сбавил цену в половину, пообещав бесплатную кормежку. В общем, день начался удачно.

Корабль отплывал после полудня, и я успел собрать вещи и погулять напоследок по Вилюсе. Вещей оказалось немного. Старую одежду я продал за четверть цены и остался со сменным хитоном и парой сандалий. Правда, было еще оружие: меч, кинжал и, конечно, секира, а также прекрасный митаннийский шлем и моя гордость – кольчужная рубаха старой гиксосской работы. Я купил ее в Сирии шесть лет назад, и с тех пор она не менее дюжины раз спасала мне жизнь. Конечно, это не полное вооружение, но щит и копье достать несложно, а луком я так и не научился пользоваться. Луки в Баб-Или, признаться, оставляют желать лучшего. Говорят, у тех же гиксосов они не хуже кольчуг, но для того, чтобы купить настоящий гиксосский лук, не хватит и моего годового жалованья, даже если перевести его в серебро.

Я пришел вовремя, а Гелен чуть не опоздал, чем изрядно разозлил толстяка-корабельщика. Когда он наконец появился и «Рея» под ругань на нескольких понятных и непонятных мне языках отчала, выяснилось, что сын базилея приносил жертву в храме Ма, что в самом центре здешней цитадели, а также вопрошал прорицателя. С жертвой (кажется, он не пожалел целого теленка) задержки не было, а вот прорицателя пришлось поискать. Ответ его (стоивший еще одного теленка) изрядно заинтриговал моего нового знакомого, и он, не выдержав, поделился им со мною. Оказывается, сыну базилея пообещали нечто вроде следующего:

«То, что задумал Гелен, – все исполнится, но не Геленом».

Я бы тоже, признаться, задумался. Однако, зная эти прорицалища, особенно в таких паскудных местах, как Вилюса, поспешил успокоить своего спутника, напомнив, что боги (а также прорицатели) чаще всего предпочитают не брать на себя ответственность и выражаются крайне туманно. В целом же ответ не из самых худших: то, за чем Гелен возвращается домой, будет выполнено, причем самому ему особо трудиться не придется.

...Конечно, пророчество можно толковать и по-иному, но этого говорить, конечно же, не стоило.

Сам я не спрашивал совета, не отдавал телят на съедение прорицателям и даже не заглянул ни в один здешний храм. Наверное, местные боги здорово на меня рассердились.

Впрочем, на богов у меня своя точка зрения.

Пока «Рея», подгоняемая порывами холодного осеннего ветра, скользила по серой глади моря, отчего-то названного Лиловым, я не спеша обдумывал то, что случилось за последние сутки. Все вышло даже лучше, чем я надеялся. Но кое-что беспокоило. И прежде всего – сам Гелен.

Семья басилея бежала за море, что для жителей Ахиявы, не привыкших путешествовать, почти край света. Теперь же Гелен спешит домой. А куда ему, интересно, спешить? Ифимедей на троне и помирать вроде не собирается. Разве что Гелену позволили вернуться, но в этом случае любой разумный человек не станет рваться прямо в Микасу. Лучше пожить в той же Аргусе, присмотреться, завязать новые знакомства, возобновить старые. А между тем Гелен спешил и, кажется, очень боялся опоздать.

Далее – еще интереснее. Его семья жила бедно, но совсем недавно у Гелена появились средства – и немалые. За проезд он выложил не серебро, а золото, одежда на нем была вся новая и очень богатая. Связь между внезапным желанием вернуться в Микасу и столь же внезапным богатством казалась настолько очевидной, что не требовала особых доказательств.

Было в этом деле и еще одно любопытное обстоятельство – я сам. Благородный сын басилея воспытал симпатией к своему земляку. Всякое, конечно, возможно, особенно на чужбине. Но очевидно, что, если я стану его спутником, моя секира не останется за плечом, когда Гелену будет грозить опасность. Значит, такого спутника он искал, и в этом случае его появление в грязной харчевне, где клубится всякая шваль, вполне понятно.

И еще одна деталь – небольшая, но любопытная. Фарос! Богатый, золотого шитья фарос, который был на Гелене в тот вечер. На следующее утро сын басилея был уже в обычном плаще – вполне пристойном, но, конечно, ничуть не похожем на прежний, расшитый золотом. Гелен поступил разумно, спрятав роскошную вещь подальше, но зачем было надевать фарос вчера, да еще на ночь глядя? Не для того же, чтобы произвести впечатление на портовое отребье!

Я еще раз вспомнил фарос и завистливо вздохнул. Нет, сам я носить его не стал бы, но в той же Аргусе плащ можно продать, а на полученное серебро купить небольшой домик где-нибудь в предместье. Поле, дом, сад – то, чего я лишился, покинув Баб-Или. Впрочем, фарос интересен не только этим. Он не выглядел новым, скорее хорошо сохранился, будучи надеваем только в редких случаях. Возможно, плащ принадлежал отцу или деду Гелена, хотя мне он показался слишком богатым для сельского басилея. Но даже если и так...

Скорее всего вчерашним вечером у Гелена состоялась очень важная встреча. Настолько важная, что он решился надеть фарос. Встреча намечалась где-то в порту, и скорее всего в великой тайне, иначе Гелен не возвращался бы так поздно, не наняв охранника. И на этой встрече решалось что-то серьезное, вполне вероятно – его отъезд на родину. Сын басилея был настолько взволнован, что зашел в первую же попавшуюся харчевню, чтобы перевести дух, вмешался в драку и вдобавок был со мной достаточно откровенен. Да, возможно, так оно и было. Но, может, было и по-другому: фарос Гелен получил на самой встрече как знак чего-то важного...

Как ни крути, а выходило, что мне предстоит путешествие вместе с крайне подозрительной личностью. Похоже, враги (не друзья же!) ванакта Ифимедея что-то задумали...

...но какое до этого дело бывшему царскому мушкенуму Нургал-Сину?

Бет

«Мы плыли»

Мы плыли дольше, чем рассчитывали. Ветер все время отгонял «Рею» обратно к берегам Хаттусили, и мы медленно ползли от острова к острову. Признаться, плавание не оставило приятных воспоминаний – корабль был тесен и необыкновенно грязен. Но неспешное путешествие имело и свои преимущества: впереди начиналась полная неизвестность, и я был не прочь как следует еще раз все обдумать, а заодно побольше разузнать об Ахияве. Моих детских впечатлений было явно недостаточно, а перед каждой войной полезно узнать о стране, куда идешь походом. Тут могут помочь любые мелочи.

С Геленом мы разговаривали редко. Сын базилия волновался, считал дни и редко вступал в беседу. Я окончательно убедился – он спешит, причем к определенному (причем не им, а кем-то еще определенному) сроку. Навязываться я не стал, предоставив Гелена его мыслям. Зато корабельщик оказался словоохотлив. Правда, большая часть его рассуждений касалась все тех же пиратов, которые чудились ему возле каждого острова, но попутно он охотно рассказывал и об Ахияве. Сам корабельщик родился в Иолке, но бывал всюду, в том числе и в Микасе. Конечно, большая часть услышанного оказалась полной ерундой, но попадались и любопытные подробности.

Мое предположение оказалось верным: власть ванакта Ифимедея в последнее время изрядно пошатнулась. Он проиграл войну с Орхоменом, которую сам и начал, вопреки протестам собственного совета. В поражении Ифимедей обвинил лавагета[15 - Лавагет – военачальник, верховный главнокомандующий.], которого отправил в ссылку, а с остальными недовольными разделался еще круче. В Микасе все стихло, но в глубине что-то продолжало бурлить.

Ифимедею, как я понял, грозили с двух сторон. Прежде всего, был жив и здоров его дальний родственник Афикл, теоретически имевший право на престол, – потомок первого ванакта династии Главка Старого. Впрочем, корабельщик сообщил по секрету, что на самом деле Афикл – сын то ли Дия, то ли Поседайона. Это, по логике моих земляков, делало его права на престол еще более очевидными.

...Я уже успел заметить странную привычку обитателей Ахиявы искать и находить божественных предков не только ванакту, но и каждому захудалому басилею. Если верить всем этим байкам, здешние боги весьма похотливы. О великий Адад, податель всех благ! Похоже, религия моих земляков немногим ушла от верований тех голых дикарей в низовьях Тигра, которых лет десять назад нам приходилось приводить в чувство!

С корабельщиком я спорить не стал. Итак, Афикл – потомок то ли кого-то из богов, то ли основателя династии – имеет право на трон. Он силен, как буйвол, красив и даже не так глуп – в общем, идеальный соперник. Многие чуть ли не с рождения прочили ему престол, но вышло иначе. Лет восемь назад Афикл внезапно явился в Микасу и присягнул Ифимедею, обещав служить не за страх, а за совесть. Что толкнуло его на это, я так и не понял – не иначе послушал очередного оракула, которых в Ахияве больше, чем поилок для скота. С тех пор Афикл стал мечом Микасы, расправляясь с врагами ванакта. Правда, Ифимедей его по-прежнему побаивался и, по слухам, не пускал на глаза.

Итак, претендент имелся, но не на него враги ванакта возлагали основные надежды. Во дворце Микасы воспитывалась дочь покойного Главка – Ктимена. По слухам, девушка ненавидела дядю, и тот не спешил отдавать ее замуж, дабы не получить еще и врага-зятя.

Но еще больше, чем о Ктимене, шептались о ее брате – царевиче Клеотере. Мне вновь довелось выслушать рассказ о чуде спасшемся ребенке, вместо которого был похоронен то ли его погибший сверстник, то ли деревянная кукла. Из слов корабельщика я понял, откуда такие слухи могли возникнуть. Ванакт Главк и его жена были убиты во время переворота, а царевича, которому тогда исполнилось шесть лет, отослали куда-то в деревню. Через месяц новый ванакт объявил, что Клеотер умер от укуса змеи. Змеей все тут же посчитали самого ванакта, но некоторые заявили, что из деревни во дворец привезли не мертвого царевича, а кого-то другого, тем более что похороны состоялись ночью и чуть ли не тайком.

Итак, с одной стороны Ифимедею грозил неясный призрак царевича Клеотера и его ныне здравствующая сестра, с другой – божественный отпрыск Афикл, который, как поговаривали, вовсе не смирился с ролью слуги, а лишь умело ведет какую-то свою игру.

В самой Микасе языки были прикушены, но против ванакта явно настроены не только многие из гиппетов[16 - Гиппеты - «всадники», высшее сословие Микен.], но и верховный жрец Поседайона Арейфоой, тоже дальний родственник Ифимедея, а также знаменитая прорицательница Гирто. В свое время они поддержали переворот, зато теперь первыми решили отступить от ванакта.

Таков был расклад – ежели, конечно, верить корабельщику.

Из всего этого я мог сделать два вывода. Прежде всего, люди везде, даже в крысиной норе, остаются самими собой. Похожие ситуации мне приходилось наблюдать и в Мари, и в Митанни, и в самом Баб-Или. Второй вывод был столь же очевиден – ванакту Ифимедею нужны опытные воины-иноземцы, а для Нургал-Сина ничего более и не требовалось.

Впрочем, из долгих бесед с корабельщиком я сделал еще один и тоже полезный вывод: я не забыл родной язык, несмотря на то что с земляками в последний раз разговаривал в Сидоне лет десять назад. Многие вспомнилось, а некоторые слова пришлось заучить заново. Это тоже пригодится – в крысиной норе не найти толмача.

То, что дела обстоят хуже, чем я думал, стало ясно, как только нос «Реи» ткнулся в причал Навплии. На что Вилюса – дрянной город, но главный порт Ахиявы показался просто скопищем лачуг. Конечно, при ближайшем рассмотрении в городе удалось разглядеть нечто напоминающее улицы, лачуги порой попадались двухэтажные (хотя и с наружными лестницами), а на холме возвышалось нечто большое из камня, чем местные жители явно гордились, наверняка думая, что это крепость. Будь со мною моя полутысяча, мы очень быстро вывели бы их из этого приятного заблуждения! Такая задача сейчас передо мной не стояла, но все виденное ничуть не увеличило радость по поводу возвращения на родную землю.

...Впрочем, в Навплии я ни разу не был. Пираты, купившие меня такой же хмурой осенью двадцать три года назад, пристали прямо к обрывистому берегу недалеко от деревни, где я пас худых темноглазых коз.

Сын басылея спрыгнул на берег одним из первых и тут же поспешил в город. Я не успел выпить в портовой харчевне и двух кубков вина (ну и пойло, хуже, чем в Вилюсе!), когда Гелен появился вновь, сообщив, что договорился с хозяином небольшого каравана, который отправляется в Микасу через пару часов. Вслед за этим сын басылея поспешил в соседний храм приносить очередную жертву (на этот раз, кажется, барана), а я остался за грубо сколоченным столом не в самом лучшем настроении.

Меня не тянуло в Микасу. Навплию, правда, я не успел как следует обследовать, но, зайдя в харчевню, убедился, что пива здесь не подают, а женщины действительно моются не чаще раза в год. О мужчинах и говорить не приходилось: портовая толпа выглядела еще гнуснее, чем в Вилюсе. Итак, в Навплии скверно, и едва ли в столице Ахиявы будет чем-то лучше. По здравому рассуждению мне следовало потолкаться здесь до весны, а затем податься назад через Лиловое море и завербоваться в армию Хаттусили.

Но это по здравому размышлению. Были размышления и нездоровые.

...Я не нанимался к Гелену в телохранители, однако мы договорились ехать в Микасу вместе, а я всегда выполняю обещания, если даю их добровольно. Конечно, Гелен возвращался на родину не только для того, чтобы поцеловать растрескавшиеся камни родного порога, но к опасностям мне не привыкать, а когда те, кому помогает сын басылея, выиграют, для «серого коршуна» найдется местечко получше, чем должность стражника в порту.

Итак, мы выехали в тот же день. Гелен поинтересовался, успел ли я принести жертву. Я поспешил заверить, что сумел побывать во всех портовых святилищах и в каждом вознес требуемые молитвы. По-моему, он поверил, во всяком случае, мне показалось, что Гелен вздохнул не без облегчения. Очевидно, сын басылея считал, что в покровительстве местных небожителей нуждается не только он, но и я.

Повозки не спеша двигались по узкой, раскисшей от дождей дороге.

Путешествовать предстояло не менее трех дней, поскольку хозяин каравана твердо решил не спешить и двигаться только в короткие светлые часы. Если на море боялись пиратов, то здесь весьма опасались местных разбойников. Похоже, у богоравного ванакта Микасы не хватало воинов, чтобы охранять даже главную

дорогу.

Что поделаешь? Крысиная нора!

Гелен вновь замкнулся, думая о чем-то своем, а я пристроился к хозяину, благо тот оказался человеком бывалым и разговорчивым. Я надеялся разузнать что-нибудь новое о делах Микасы, но купец жаловался на застой в торговле, сетовал на дороговизну морских перевозок, из-за чего товары поднялись в цене, то и дело поминая все тех же разбойников. Когда эта благодатная тема ему надоела, он немного вдохновился, пообещав, что славный герой Афикл в ближайшее время очистит дороги от грабителей.

Так мне вновь пришлось услышать о потомке богов. Афикл, по версии нашего хозяина, пошел на службу к ванакту, дабы совершать подвиги. Он уже успел убить двух львов, лань, дюжину лошадей и одного кабана, а также разогнать несколько разбойничьих шаек. Последнее я полностью одобрил, а насчет остального впал в некоторое недоумение. Сам я за годы службы в Баб-Или убил четырех львов, в том числе исинского черного льва-людоеда, но не особо этим хвастал. Что касается лошадей, я вообще не понял, зачем убивать этих умных и полезных животных.

Купец сообщил также, что полгода назад Афикл к восторгу всей Ахиявы прикончил гидру. Гидры в Баб-Или не водились, и я попытался, как следует расспросив говорливого собеседника, представить, о чем идет речь. Купец упомянул какой-то Тартар, откуда эта тварь приплыла к здешним берегам. Наверно, он имел в виду Таршиш[17 - Таршиш - финикийский порт в Испании.].

Что ж, в Таршише может водиться и нечто пострашнее гидры о девяти головах, изрыгающих пламя, вдобавок чуть ли не бессмертных. Конечно, такие байки можно пропустить мимо ушей, но внезапно я вспомнил рассказы моряков, плававших на остров Хумбабы[18 - Легендарный остров в Красном море, где обитало чудище Хумбаба. Убито героем Гильгамешем.]. Они уверяли, что в Южном море водится огромная тварь с десятью щупальцами, которая ловит зазевавшихся пловцов и даже нападает на корабли. Возможно, волны вынесли нечто подобное к берегам Ахиявы. Шевелящиеся щупальца со страху вполне можно принять за головы, а пламя и прочее - это уже обычные рассказы.

Итак, Афикл охотился. Я понял, что ванакт Ифимедей держит своего родича подальше от Микасы, посылая его от логова к логову, дабы какой-нибудь проворный лев свернул претенденту шею. Неясно лишь, отчего Афикла считали героем. Наверное, я чего-то не понял.

В благодарность за рассказ я поведал хозяину каравана о звере Абу, которого видел в земле Та-Кемт[19 - Та-Кемт (Черная земля) – Египет.], куда наш отряд сопровождал посольство лугаля. Кажется, такие звери водятся в Ливии. Не знаю, как мой собеседник, но я в свое время сам не верил, что боги могут сотворить такое: уши почти до земли, нос, похожий на змею, ноги, словно колонны, а все вместе – как два коня, поставленных один на спину другого. Впрочем, звери Сета, что водятся в Хапи и считаются в Та-Кемт священными, тоже хороши. Одни зубы чего стоят, а уж когда они начнут реветь! Да, велик мир...

В зверя Абу купец охотно поверил, и мы ехали, вполне довольные друг другом, когда внезапно (а было это под вечер первого дня) он указал куда-то вперед и резко крикнул, останавливая повозки. Я соскочил на землю, на всякий случай снимая с плеча секиру.

На ближайшей опушке стояли двое всадников. Я смог их разглядеть: крепкие бородатые парни на таких же крепких конях. В руках они держали копья, за спиной у одного висел лук, а на плечи были наброшены звериные шкуры. Я сразу же подумал о разбойниках, но тут же услышал растерянный голос купца:

– О великий Дий! Богоравные кентавры!

– Кто? – не понял я.

– Кентавры, – повторил хозяин. – Иппоандросы...

Я посчитал, что это название какого-то племени, и не ошибся. Когда эти двое на опушке, постояв, скрылись в лесу, купец сообщил, что кентавры (естественно, «богоравные») знамениты тем, что напрямую общаются с богами. Далее он понес уже совсем несусветную чушь о том, что иппоандросы – наполовину кони и лишь наполовину люди. Не знаю, что у него со зрением, но спорить я не стал. Похоже, купец здорово испугался, со страху же может почудиться еще и не такое.

Мне эти иппоандросы тоже чрезвычайно не понравились, и я посоветовал разжечь на ночь побольше костров и приказать страже не дремать. Гелен был также явно встревожен, а посему мы решили спать по очереди. Его меч и моя секира лежали рядом, под рукой.

Волновались мы не зря. Сквозь сон я услышал чей-то отчаянный вопль, и тут же рука Гелена дотронулась до моего плеча. Я вскочил, хватая секиру.

– Разбойники!

Над поляной, где мы ночевали, стоял крик, стража хватала копья, окружая повозки, но вид у всех был, мягко говоря, не особо решительный. И было от чего.

На поляну выбегала толпа заросших косматых детин, вооруженных огромными дубинами. Я решил не рисковать и надел шлем. Разбойников оказалось десятка два, они быстро окружили караван, подойдя к самым кострам. В неровном свете пламени вид у них был достаточно зловещий.

Я ждал немедленной атаки, но вместо этого вперед вышел огромного роста парень, еще грязнее и отвратительнее прочих, взмахнул над головой дубиной и начал речь. Вещал детина на местном наречии, который я понимал не без труда:

– Я гр-р-р великий владыка х-р-р леса Перей. Гр-р-р! Бросайте оружие хр-р, и ваши души избегнут Аида гр-р! Иначе хр-р мы вас всех гр-р-р-р-р!

Я взглянул на нашего хозяина и понял, что он вот-вот прикажет положить оружие. Это было бы совсем ни к чему, поэтому я, еще раз прикинув обстановку, выхватил из рук опешившего стражника копье.

– О богоравный Перей, гроза леса! – запричитал купец. – Смилуйся надо мною, несчастнейшим из торговцев! Забери мои товары, забери моих людей, но отпусти меня, горемычного...

– Хр-р! – разбойник ударил себя кулаком в грудь и гордо сделал шаг вперед. – Жалкий купчишка гр-р!

Этого шага я и ждал. Копье вонзилось в горло богоравного Перея, и его следующее «хр-р» прозвучало совсем не так уверенно. Подскочив к труп, я взмахнул секирой, краем глаза заметив, что Гелен и двое стражников посмелее последовали за мной. Я уже прикидывал, с кого из разбойников следует начать, когда услышал голос сына басылея.

– Ваш вожак убит, сволочи! Убирайтесь!

Разбойники попятились, один без особой решительности поднял дубину, но меч Гелена ударил его прямо в живот. Я крутанул секиру над головой ближайшего негодяя, тот пискнул и внезапно, бросив оружие, со всех ног побежал к лесу.

Тут уж не растерялись стражники, и вскоре поляна была пуста. Воинство богоравного Перея бежало со всех ног, бросив труп своего вожака. Мы вернулись к повозкам, опасаясь повторного нападения, но сквозь ночной сумрак был слышен лишь удаляющийся топот.

Пришедший в себя хозяин поспешил ко мне с упреками, обвинив в том, что я – нахальный чужеземец – подверг риску его и всех остальных. Ругаться не хотелось, и я предоставил это право Гелену, который цыкнул на труса, отчего тот окончательно сник.

Я устроился поудобнее на ближайшей повозке, но сон не шел.

– Не злись на этот мешок с отрубями, доблестный Нургал-Син, – Гелен пристроился рядом, и по лицу сына басылея промелькнула усмешка. – Поистине, эти торговцы достойны того, чтоб их грабили.

– Я не злюсь, Гелен, сын Ифтима. А если и злюсь, то на самого себя. Я всегда злюсь, когда чего-то не понимаю...

Разбойники мне не понравились. Не то чтобы эта орава была особо опасна. Подобные шайки приходилось гонять неоднократно, бояться их не стоило, но кое-что настораживало. Так разбойники не действуют. Будь богоравный Перея даже трижды дурак, то все равно можно придумать кое-что поумнее, чем лезть напролом на вооруженную стражу. Нелепые разговоры вместо быстрой и смертоносной атаки на сонную охрану! Зачем? Это походило уже не на глупость, а на нечто совсем иное.

...А что, если Перей и не собирался нас грабить? Ему могли заплатить за нечто иное – хотя бы за то, чтобы как следует осмотреть повозки и тех, кто их сопровождает. А может, не только осмотреть, а и прихватить кого-то с собой. Если так, то понятно, отчего они не спешили нападать.

В общем, все это было мне не по душе, но Гелен отнесся к моим сомнениям достаточно легкомысленно. Впрочем, мне показалось, что сын базилея не был на этот раз откровенен.

К полудню следующего дня мы миновали Тиринф, где я смог полюбоваться очередной кучей камней на холме. Крепости строить здесь определенно не умели, стараясь возместить качество устрашающим количеством. Сам город показался еще нелепее, чем Навплия: немногие каменные дома окружали даже не лачуги, а полуземлянки, откуда выглядывали лохматые дикари в грубых рубищах, а то и просто в козлиных шкурах. Такой бедности я не видел даже в разоренной войной Митанни и захолустном Урарту. К счастью, задерживаться мы не стали и двинулись дальше.

Дорога, и без того малолюдная, теперь была совершенно пуста, что понравилось мне еще меньше, чем вчерашние разбойники. Возникло знакомое чувство опасности, которое меня редко подводит. Начало казаться, что стража в тиринфских воротах рассматривала нас как-то по-особому, а базарные нищие не столько просили кусок лепешки, сколько заглядывали в лица. С хозяином каравана говорить об этом не имело смысла, я хотел побеседовать с Геленом, но передумал. Не требовалось особой наблюдательности, чтобы понять: сын базилея волнуется, причем куда больше моего. Очевидно, он точно знал, кто и почему следит за нами.

Где-то после полудня вдали вновь показались всадники, и я услышал знакомое: «Кентавры!». Их оказалось на этот раз четверо, в руках они держали копья, а буйные волосы были скрыты легкими кожаными шлемами. Когда эта четверка подскакала поближе, я поинтересовался у хозяина, по-прежнему ли он считает, что кентавры – полулюди-полулошади. Купец широко раскрыл утонувшие между жирных щек глаза и с ехидством заметил, что мое зрение следует лечить куриным пометом. Я хотел огрызнуться, и вдруг меня поразила странная догадка: я вижу обычных всадников, но остальные воспринимают их как сказочных чудищ. Я не стал спорить и в который раз помянул Адада, подателя

всех благ. Интересно, что бы сказали об этом мудрые жрецы из храма Бела?

Кентавры не стали подъезжать слишком близко и, постояв, ускакали в лес. Мы с Геленом переглянулись и, не сговариваясь, принялись надевать шлемы. Шутки кончились: люди они или чудища, но это, без сомнения, разведка. Секира лежала наготове, но я понимал, что против двух десятков таких кентавров она не поможет.

Повозки углубились в лес, и я уже подумывал надеть кольчужную рубаху, как вдруг где-то совсем рядом хрустнули ветки.

Я резко обернулся – из зарослей выходил человек.

Вначале я принял его за очередного разбойника: бос, нечесан, бородат, на плечах – львиная шкура, в крепких руках огромная дубина, но почти сразу же понял, что ошибся. Он был, конечно, воином, причем не из новобранцев. Это заметно по всему – по походке, по чуть сгорбленным плечам, по тому, как легко он держал свое допотопное оружие. Я толкнул Гелена, но сын базилея уже спрыгнул с повозки. Остальные тоже заметили нежданного гостя. Послышались растерянные голоса, повозки остановились, и стражники начали нерешительно разбирать копья.

– Афикл! – воскликнул кто-то, остальные голоса тут же подхватили знакомое имя. Человек с дубиной на миг остановился, окинул нас странным недвижным взглядом, затем взревел – и бросился вперед.

Все произошло настолько быстро, что я впервые за много лет растерялся. И немудрено! Одного стражника словно снесло ветром, второй успел отскочить, третьему дубина прилась по плечу, и он с воем покатился по земле. Афикл вновь взмахнул дубиной и быстро огляделся, словно кого-то выискивая. Я успел взглянуть ему прямо в глаза и похолодел: передо мной стоял безумец. Широко раскрытые голубые глаза были пусты, красивое лицо кривилось жуткой гримасой, губы шевелились, словно Афикл читал молитву. Но вместо молитвы до нас донеслось рычание. Божий потомок явно кого-то заметил, лицо исказилось подобием улыбки, дубина со свистом рассекла воздух. Не надо было оглядываться, чтобы понять: он увидел Гелена.

Стражники разбежались, хозяин уже давно сидел в канаве, возчики застыли на месте, словно окаменев. Между сыном басилея и безумным героем оставался один я.

Никогда не избегаю поединков, но без этого предпочел бы обойтись. Не знаю, чьим сыном был Афикл, но кровь у него добрая: выше меня на целую голову, широкоплеч, мускулистая грудь выпирает из-под шкуры, а о руках и говорить не приходится. Бык, вставший на задние ноги!

Гильгамеш!

Первый удар я угадал и вовремя уклонился. Большого сделать было нельзя: секира короче дубины. За первым ударом последовал второй, я уклонился снова. Послышался рев, и внезапно этот бык прыгнул. Моя секира отлетела в сторону, дубина со свистом рассекала воздух, и я упал, резко дернув его за ноги. Огромное тело рухнуло рядом.

Мы оба вскочили. Я – тяжело дыша, он – со все той же улыбкой на безумном лице. Мускулистая грудь вздымалась мерно и ровно. Он ничуть не устал и вновь сжимал в руках дубину.

Послышалось рычание. Стало ясно: сейчас моя голова треснет, как старый орех. Я попытался поднять секиру, ухватив ее за обух, но большего сделать Афикл не позволил – дубина вновь взлетела в воздух.

...Странно, в такие моменты время словно останавливается. Я успел подумать, что отскочить не успею и в лучшем случае получу удар не по голове, а по плечу. Тут же пришла мысль о том, как нелепо закончится мой путь на родной земле. И наконец я понял, почему Афикл стал орудием ванакта Микасы. Безумцем легко управлять, особенно если знаешь причину безумия. Я закрыл глаза и, уже ни на что не надеясь, помянул Того, Кого не назову вслух.

Мгновения тянулись, но смерть медлила. Не открывая глаз, я медленно отодвинулся в сторону. Затем, сообразив, что мой час еще не пробил, резко отпрыгнул назад, сжимая секиру, но тут же понял – она не понадобится. Афикл стоял неподвижно, опустив дубину и закрыв глаза. Внезапно могучее тело содрогнулось, оружие выпало из рук, и через мгновение огромное тело с грохотом упало на влажную землю.

«Бог бьет грешника кровью его и безумием его» – вспомнились слова со старинной шумерийской таблички. Я осторожно прикоснулся к горячему лбу поверженного Гильгамеша. Великий герой отвоевался – по телу пробежали судороги, могучие руки бессильно подрагивали, а вместо рычания слышался жалобный стон. Я отбросил подальше дубину и оглянулся.

Купец все еще сидел в канаве, остальные же, почуяв, что опасность миновала, потихоньку приходили в себя. Первым опомнился Гелен. Вдвоем с сыном базилея мы попытались оттащить громадное тело поближе к повозкам, но не смогли. Пришлось звать на подмогу стражников. С их помощью мы уложили Афикла на одну из повозок, после чего сообщили хозяину, что можно вылезать. Тот не без опаски последовал нашему совету, тут же потребовав, чтобы Афикла как следует связали. Впрочем, уже было ясно, что это лишнее.

Двое стражников оказались ранены, причем один – тяжело, еще один умудрился серьезно подвернуть ногу, спасаясь бегством. Не такая уже высокая цена за знакомство с потомком богов!

Повозки двинулись дальше при полном молчании, нарушаемом лишь стонами пострадавших. Я время от времени поглядывал на Гелена, желая задать сам собой напрашивающийся вопрос: в какую передрыгу втягивает меня сын базилея? Если до знакомства с Афиклом еще могли быть сомнения, то теперь все стало ясно как день. Но спрашивать я не стал. Едва ли услышу правду, а заставлять человека лгать не хотелось.

Часа через два послышался громкий стон. Я подошел к повозке и понял, что Афикл начинает приходить в себя.

– Воды! – произнес он слабым, хриплым голосом. – Ради богов всех, воды!

Кто-то принес бурдюк, и я осторожно смазал пересохшие губы. Афикл медленно поднял руки, не открывая глаз, взял бурдюк и начал жадно пить.

– Спасибо...

Он откинулся назад и открыл глаза. Кое-кто из любопытных поспешил отойти подальше, но я уже знал, что опасаться нечего. Безумие прошло, взгляд голубых

глаз стал осмысленным, полным боли и тоски.

– Где я, почтенные путники? – Божий потомок растерянно оглянулся и с силой потер лоб.

– Между Тиринфом и Аргосом, богоравный Афикл, – откликнулся Гелен.

– О боги! – простонал Гильгамеш. – За что? Почему?

...Он не помнил ничего. Последнее, что как-то зацепилось в его сознании, была встреча с вестником ванакта Ифимедея, который поручил своему родственнику разобраться с какими-то ведьмами возле Орхомена. Афикл зашел принести жертву перед походом и...

– Великий Дий! – Афикл несколько раз оглядел повозки, все еще не веря в случившееся. – Мнилось мне, будто я спал! Да, я спал, о почтенные путники. Снилось, будто дерусь насмерть я с великаном, что в давние века жил возле Осы, – с огромным, ужасного вида. Он же секиру имел – преизрядную, чуть не с оглоблю...

Пришлось рассказать правду. Афикл повертел в руках мою секиру, похвалил «черную бронзу», показав себя неплохим знатоком, и твердо пообещал выплатить достойную цену раненым и покалеченным. То, что никто не убит, явно его успокоило.

– Горе мне, путники, горе! – добавил он с глубоким вздохом. – Уж долгие годы делает эта напасть меня пугалом в землях Ахейских. Может быть, за морем сыщется лекарь иль знахарь умелый? Может, излечит меня?

Я посоветовал ему съездить в Лидию, где лечат еще и не такое, и как бы между прочим поинтересовался, начались ли его приступы до поступления на службу к Ифимедею или после. Но мое предположение не оправдалось: безумие покрывало Афикла своей черной пеленой с самого детства. После одного из приступов он обратился к оракулу, который и направил его к Ифимедею.

Через час, немного придя в себя, Афикл распрощался и неуверенной походкой направился по лестной тропе куда-то на запад. Мы с Геленом проводили

Гильгамеша до опушки и не спеша вернулись к повозкам.

– Жаль мне богоравного Афикла, – заметил сын басылея. – Поистине боги несправедливы...

– Не мне судить о богах, Гелен, – подумав, ответил я, – но, может, все обошлось и без них. Страшного помощника имеет ванакт Ифимедей!

– Ты говоришь об Афикле?

– О нем... Или о том, кто сделал его таким. Но сегодня его безумие кончилось слишком рано.

– Да, доблестный Нургал-Син. И кончилось поистине вовремя. Тебе следует возблагодарить богов. Но все равно, дивлюсь я твоей смелости – биться с самим Афиклом!

Какая уж тут смелость! Впрочем, спорить я не стал. Репутация того, кто не побоялся сразиться с божественным героем, не повредит.

Мы ехали дальше, постепенно приближаясь к Аргусе. Благополучный исход нашего знакомства с Афиклом немного успокоил, но чувство опасности все же не отпускало. Похоже, Гелен чувствовал то же самое. Наконец я не выдержал.

– Если нас так встречают здесь, – я кивнул в сторону темневшего у дороги леса, – то что же будет в Микасе?

– Не нас, – поправил сын басылея. – Меня. Похоже, за мной следили еще в Троасе. Они оказались хитрее...

Итак, разговор, которого я ждал уже не один день, начался.

– Гелену, сыну Ифтима, необязательно ехать дальше этим караваном.

– Да, – согласился он, – в Аргосе куплю коня и поеду ночью. Кентавры редко заходят в те края, а от пеших я смогу ускакать. У меня будет несколько часов, пока они увидят, что меня в караване нет.

– Нас, – напомнил я как можно мягче. – Нас, благородный Гелен.

Сын базилея нахмурился, словно не решаясь ответить, а затем улыбнулся.

– Вижу, ты любишь опасности, доблестный Нургал-Син. То, что задумали я и мои друзья, действительно опасно.

Я улыбнулся в ответ. В крысиных норах свое представление об опасностях.

– Наверное, мне надо было рассказать тебе раньше, Нургал-Син. Я позвал тебя в дальний путь. Дальний – и очень рискованный. Кем ты думал стать в Микасе? Дворцовым стражником?

– Может, десятником, – простодушно отозвался я. – Моя мечта – командовать полусотней.

Гелен рассмеялся – впервые за все время нашего знакомства.

– Извини, что не верю тебе, доблестный Нургал-Син. Но ведь и ты не верил, когда я говорил о желании повидать камни отчего дома... Если поможешь мне, я смогу пообещать нечто большее, чем начальство над полусотней...

– Быть смотрителем царских амбаров?

– Если захочешь, конечно. Но я имел в виду другое. Итак, давай поговорим откровенно...

Внезапно он замолчал, к чему-то прислушиваясь. Я быстро оглянулся – дорога казалась по-прежнему пустой, разве что вороны спустились пониже.

– Не знаю... – растерянно произнес сын базилея. – Мне что-то послышалось.

- Да, - я уже надевал шлем. - Мне, кажется, тоже...

Гелен привстал, чтобы взять свой шлем, лежавший чуть поодаль, и тут откуда-то с опушки донесся резкий свист. Я успел повернуть голову и заметить два темных силуэта, скрытых за деревьями.

...Уже потом я понял, что ошибся, - надо было, не оглядываясь, толкнуть Гелена, который привстал так не вовремя. Увы, сообразил я это поздно - две стрелы вонзились ему в грудь, и сын басилея навзничь упал на повозку.

На этот раз охрана не растерялась, но те, кто стрелял, уже растворились в лесной чаще.

Убийцы знали свое дело - стрелы вошли глубоко и точно. Подбежал хозяин с нелепыми советами, как лучше их вынуть, но я знал - это лишь ускорит конец. Гелен был еще жив, но дышал тяжело, с хрипом, из уголка рта медленно стекала струйка крови.

Веки дрогнули, на меня взглянули полные боли глаза.

- Ты...

Хрип оборвал фразу. Я склонился ниже, чтобы умирающий не напрягал голос. Лицо Гелена исказила судорога, он вновь захрипел и дернулся.

- Ты... - повторил он, - доберись до Микен. Цепь, кольцо и фарос отдай Арейфою. Он...

- Жрец, - подсказал я. - Помню...

- Отдай тайно, - голос умирающего стал еле различим. - Золото возьми себе. Принеси жертву Поседайону...

- Не волнуйся, - я попытался улыбнуться. - Все будет сделано, Гелен.

– Клянись...

Тот, в Кого я верю, не требует клятв, но с умирающим спорить не пристало. Я поднял руку и торжественно поклялся великим Белом Мардуком, Ададом – подателем благ и непобедимой Иштар. Я хотел упомянуть и Аннуаков, но понял, что это уже ни к чему...

Я предложил отвезти тело в ближайший город, хотя бы в Аргусу, но купец заявил, что с трупом в город не пропустят, а родственников у Гелена в Аргусе нет. Толстяку явно не хотелось объясняться с властями. Будь я в Баб-Или, то, конечно, настоял бы на своем, но тут спорить было бессмысленно. Возле дороги наскоро вырыли неглубокую яму, которая приняла тело Гелена, сына Ифтима. Хозяин громко сокрушался, что у него нет ничего подходящего для жертвы подземным богам, и клялся совершить жертвоприношение в Аргусе, сразу же по приезду.

Почему-то я ему не поверил.

Гимель

«К вещам»

К вещам Гелена уже тянулись жадные руки, но тут уж я уступать не собирался. Сын басилея назначил меня душеприказчиком, это слышали свидетели, так что я был в своем праве. На всякий случай я положил секиру поближе, после чего занялся наследством.

С пояса Гелена я снял тяжелый кошель, да и его дорожные сумки показались непривычно весомыми. Отогнав в сторону любопытных, я сперва заглянул в кошель – он оказался полон небольшими слитками серебра и мелко нарубленными золотыми пластинками. Еще больше золота я нашел в одной из сумок – оно было завернуто в плотную шерстяную ткань. Другой сверток скрывал тяжелую золотую цепь с подвеской в форме орла хеттийской работы. Перстень я нашел на самом дне – большой, с белым камнем, украшенный узором из мелких листьев.

Во второй сумке оказался знакомый плащ, тот, что был на Гелене в нашу первую встречу. Похоже, он не принес удачи сыну басилея.

Итак, все становилось ясным. Враги ванакта Ифимедея готовят заговор. Его глава – жрец Арейфоой – вызвал из Троасы Гелена, чья семья хранила царские реликвии. Кто-то в Троасе передал Гелену золото, которое, конечно, тоже пригодится заговорщикам. Но главное – именно реликвии: цепь, кольцо и плащ, которые Гелен просил передать по назначению, согласившись пожертвовать золотом.

Но заговорщики недооценили ванакта – за Геленом следили, а затем нанесли удар. Разбойники и безумный Афикл оказались не на высоте, и тогда сына басилея попросту пристрелили.

Оставалось решить, что делать мне. С караваном было явно не по пути, это понял и Гелен. Следовало воспользоваться его планом, благо золота должно хватить не только на коня, но и на дюжину колесниц. Только сейчас я понял, что стал богат и мне незачем дальше тянуть нелегкую лямку наемника. Но вначале требовалось выполнить волю Гелена. Мне за это заплатили, кроме того, реликвии будут искать. Пусть ищут не у меня!

В Аргусу, очень похожую с первого взгляда на Тиринф, мы прибыли под вечер, и я, не прощаясь, соскочил с повозки, постаравшись затеряться в рыночной толпе. Кажется, мне это удалось. Схваченный за ухо босоногий мальчишка привел меня на ближайший постоялый двор, где я, не торгуясь, купил низкорослого гривастого коня и, узнав дорогу на Микасу, тут же поспешил к воротам, чтобы успеть выбраться из города до их закрытия.

Ехал я всю ночь. Дорога была совершенно пуста, только однажды я заметил костер, возле которого отдыхали какие-то путники. Пару раз из лесу доносился свист, и шальные стрелы пролетали перед самым моим носом. Но в целом особых трудностей я не встретил, если не считать, что чуть не заблудился на перекрестке. К счастью, я вовремя вспомнил, что к Микасе нужно ехать налево.

Город я увидел уже после того, как неяркое осеннее солнце поднялось над горизонтом, тут же нырнув в тяжелые низкие тучи. Вначале вдали показался огромный холм. Подъехав ближе, я смог разглядеть серый венец стен на вершине и скопище лачуг у подножия. Микаса, столица великой Ахиявы, была

точно такой, как уже виденные мною ахейские города, разве что чуть побольше. Впрочем, рассматривать окружающие виды не было ни времени, ни желания. Меня больше интересовали воины в воротах. Узнай ванакт Ифимедей о том, что случилось на дороге в Аргусу, то неприятностей не избежать. Но я опередил преследователей. Стражи ворот в высоких рогатых шлемах с перьями и в начищенных доспехах интересовались больше купеческими повозками, чем одиноким всадником. Въезжая в город, я заметил над воротами двух каменных львиц и невольно усмехнулся: точно такие же звери украшали ворота Хаттусили. Правители Ахиявы подражали соседям даже в этом.

Теперь следовало подумать. Лучше всего отправиться к Арейфоою немедленно, но разговор предстоял тайный, а днем это сделать затруднительно. К тому же неизбежные расспросы на улице привлекут ненужное внимание. Значит, следует действовать иначе.

Я направился на постоянный двор, сняв самую лучшую комнату, дверь которой надежно запиралась. После бессонной ночи тянуло отдохнуть, но вначале следовало кое-что узнать. Поэтому я заказал обед в общем зале и довольно успешно изобразил богатого чужестранца, приехавшего повидать великий город Микасу. Денег на вино я не жалел и вскоре узнал от собеседников не только где находится храм, в котором служит Арейфоой, но и то, как лучше повидать знаменитого жреца. Рассказали мне и многое другое, в том числе об очередном подвиге великого героя Афикла, который на дороге из Аргоса в Тиринф поразил насмерть страшного великана-разбойника, вооруженного огромной секирой. Слухи разносились здесь птицами – весьма говорливыми, – что мне чрезвычайно не понравилось.

Я ждал высказываний по адресу Ифимедея, но как только разговор приближался в этой теме, собеседники замолкали и переводили беседу на Афикла. Ванакта явно побаивались. Убедившись, что больше мне ничего не узнать, я велел налить всем еще по кубку и незаметно направился к себе. Перед ночной встречей следовало все-таки выспаться.

На улицу я вышел уже в полной темноте. Удивительно, как быстро опустели улицы. Когда я подходил к громаде царского дворца, вокруг стало совершенно безлюдно, и я ощутил легкое беспокойство. Ночных грабителей я не боялся.

Секира, прикрытая плащом, на месте, под мышкой спрятан кинжал, вдобавок ко всему я надел для верности кольчужную рубаху. Ночным вора и обирателям пьяных я был не по зубам, но оставалась еще стража, с которой встречаться не стоило. В сумке лежало то, что мне следовало отдать, вдобавок я захватил с собой золото, опасаясь оставлять его на постоялом дворе. Поэтому я шел не спеша, внимательно прислушиваясь, чтобы вовремя отреагировать на любой подозрительный звук. Один раз вдали раздался топот сандалий, и я поспешил нырнуть в маленький переулок, пропуская стражу. Меня не заметили, и я пошел дальше, огибая дворец. Прямо за ним находился храм Поседайона – верховного бога Микасы.

В эти ночные часы храм выглядел зловеще. Главный вход был закрыт, но я не стал стучаться в высокие бронзовые двери. Мои собеседники сообщили, что с обратной стороны находится другая дверь, которой пользуются жрецы и служители. Сам же Арейфоой покидает храм только под утро, что меня вполне устраивало.

Второй вход я нашел не без труда. Это оказалась не дверь, а небольшая калитка, спрятанная за высокими деревьями. Я немного выждал и уже собирался постучать, как вдруг заметил неподалеку странную тень. Кто-то стоял, прислонившись к дереву, и внимательно наблюдал за мною.

Я отошел к ограде и положил руку на древко секиры. Послышался тихий дребезжащий смехок. Тень скользнула ближе – передо мною стояла сгорбленная старуха, кутающаяся в длинную хлену[20 - Хлена – женская накидка.]. Серые пряди выбивались наружу, маленькие узкие глаза, казалось, светились в темноте. В последнем я не был уверен, но руку с древка убирать не стал.

– Испугался, воин? – Голос оказался под стать смеху – скрипучий и дребезжащий. – Нехорошо пугаться бедной старой женщины, которая вышла в эту позднюю пору специально, чтобы встретить тебя!

Начало мне совершенно не понравилось.

– Радуйся, мамаша, – как можно спокойнее ответил я. – Что за нужда нам встречаться?

– Радуйся, и ты, воин. Гирто давно уже поджидает тебя.

Имя показалось знакомым. Ну как же! Гирто – местная колдунья!

– Спешешь к Арейфою, воин? Не спеши, встреча будет опасной. Тебе понадобится помощь. Старая Гирто может помочь.

– Прорицанием? – усмехнулся я. – Пожалуй.

Старуха засмеялась в ответ, маленькие глазки блеснули.

– Воин, пришедший из-за моря, не верит прорицаниям? Напрасно! Разве Нургал-Син, бывший слуга лугаля Апиль-Амурру, не желает знать будущее?

Я похолодел. Прорицаниям я не верил, но сразу понял, что дела мои хуже, чем казалось.

– Не удивляйся, воин! – Гирто, кажется, была довольна произведенным впечатлением. – Лучше соберись с силами и будь готов ко всему. Жрец не знает, кто ты. Не спорь с ним, но не спеши соглашаться. Тебе помогут. Прощай!

Старуха вновь хихикнула и сгнула в темноте. Я перевел дух. Калитка была рядом, но заходить в храм сразу же расхотелось. То, что разговор со жрецом предстоит нелегкий, я догадывался и сам, но Арейфою ждет Гелена, а Гирто стерегла меня! Выходит, старуха тоже принимает участие в игре, причем не на стороне жреца? Помогает Ифимедею? Мелькнуло острое желание оставить сверток с плащом и всем прочим у калитки и бежать со всех ног, не останавливаясь, до самой Хаттусили. Но я переборол себя и, помянув Аннуаков и все милости их, оглянулся и постучал.

Далет

«Открыли мне сразу»

Открыли мне сразу. Кто-то, закутанный в плащ, долго осматривал гостя, не проронив ни слова, а затем кивнул в сторону храмовой стены, где темнела полуоткрытая дверь. Я прошел туда, оказавшись на узкой лестнице, освещенной неяркими светильниками. Провожающий шел сзади, и до меня доносилось его хриплое дыхание. Ступеньки вывели на площадку, точнее, в небольшой зал, окруженный колоннами. Навстречу шагнули четверо стражников с копьями на изготовку. Я остановился.

- У тебя есть оружие? - поинтересовался сопровождающий. - Оставь его здесь.

Наконечники копий поблескивали совсем близко, и я не стал спорить, вытащив секиру и поставив ее у стены.

- Кинжал тоже, - подсказал мой спутник. - К верховному жрецу не входят с оружием.

Глаз у него оказался наметанным, но меня больше интересовало, откуда он знает, что мне нужен именно Арейфоой?

Похоже, здесь тоже ждали гостей.

Пришлось вынуть из ножен кинжал. Внимательные глаза вновь осмотрели меня с головы до ног, после чего открылась одна из дверей, за которой тоже была лестница, на этот раз ведущая вниз. Шли мы долго, и мне начало казаться, что я очутился где-то под землей. Наконец мы вышли в узкий длинный коридор, повернули и оказались перед еще одной дверью, у которой застыли два стражника.

- Подожди!

Сопровождающий, сделав воинам какой-то знак, проскользнул внутрь, оставив меня наедине со стражей. Я успел подумать, что жреца неплохо охраняют, но тут человек в плаще появился снова и приглашающе кивнул, указывая на дверь.

За нею оказалось небольшое помещение, где стояли два кресла с высокими спинками и небольшой овальный столик, кажется, привезенный из земли Та-Кемт. В противоположную от входа стену была врезана еще одна дверь, рядом с

которой стоял мрачного вида деревянный истукан. Все это слабо освещалось двумя светильниками, укрепленными на стенах. Я огляделся, подошел к одному из кресел, но садиться не стал.

Внутренняя дверь открылась, и в комнату вошли два стражника с копьями наперевес. Не взглянув на меня, они стали возле стены и, ударив древками копий в пол, застыли. Вслед за ними появился высокий худой старик в пурпурном, расшитом золотыми бляшками фаросе и с тонким золотым обручем на седой голове. Темные глаза в упор взглянули на меня...

Я щелкнул сандалиями, словно на царском смотре, подбросил вверх подбородок и отчеканил:

– Радуйся, верховный жрец! Воин, пришедший издалека, приветствует тебя!

– Говори тише, воин, – старик одобрительно улыбнулся и еле заметно кивнул в сторону стражников. – И лучше говори по-хеттийски.

Арейфоой явно был в хорошем настроении, но я знал, что сейчас оно изменится.

– Я сказал тебе «радуйся», – продолжал я на наречии Хаттусили, – однако вести мои нерадостны, жрец.

– Почему? – В темных глазах мелькнуло удивление. – Ты ведь приехал, и приехал вовремя!

Я вздохнул и мысленно помянул Адада, подателя благ.

– Я приехал, жрец, но ты ждал не меня. Ты ждал Гелена, но ему уже никогда не вернуться в Микасу.

Я достал из сумки свернутый фарос и осторожно положил его на столик. Рядом легла цепь, последним я достал кольцо.

– Он велел передать тебе эти вещи, жрец, и просил принести жертву Поседайону. Но что просить у него, сказать не успел.

Арейфоой долго молчал, глядя на тускло мерцающее в слабом свете золото. Наконец он вновь заговорил:

- Кто ты? Почему у тебя эти вещи?

Голос оставался невозмутимым, но я чувствовал, что старик растерян, и эта растерянность постепенно перерастает в гнев. Отступить было поздно. Арейфоой опустился в одно из кресел, кивнул мне на соседнее, затем тяжело откинулся назад:

- Говори, чужестранец...

Он ни разу не перебил, но я видел, что спокойствие его – напускное. Жрец еле сдерживался, заставляя себя слушать. Наконец, когда я закончил, он тяжело вздохнул.

- Ты принес поистине горестную весть, Нургал-Син. Горестную и страшную. Скажи, кто в Микенах знает о том, что случилось?

Вопрос мне чрезвычайно не понравился, но деваться было некуда.

- Никто, богоравный Арейфоой. Я хранил тайну, как и обещал Гелену.

Темные глаза впились в меня. Взгляд был недобрый, тяжелый.

- Гелену? Горе нам, и горе тебе, гонец, принесший беду! Не Гелена, сына Ифтима, сопровождал ты! Не сына бацилея похоронил у дороги. Клеотером, сыном Главка, был он, законным ванактом микенским, ехавшим вернуть свой трон! Видишь – перед тобою цепь, что носил его прапрадед Главк Старый, плащ его и моего прадеда – Арейфоою и кольцо его отца, богоравного Главка. Все было готово для встречи законного ванакта, послезавтра он должен взойти на престол и – о горе! – все пошло прахом!

- Мне очень жаль, богоравный Арейфоой, – проговорил я, все еще переваривая услышанное. – Мои вести и вправду плохи.

– Плохи? – Голос жреца дрогнул. – Долгие годы на престоле Микен сидит узурпатор, убивший славного Главка и его супругу, добродетельную царицу Никтею. Все это время лучшие из гиппетов мечтали о мести и справедливости. Клеотер, сан ванакта, был спасен в последний миг и надежно укрыт за морем. Только я знал, где он скрывается. Знал – и не спеша готовил его возвращение. И вот когда все готово, когда наконец-то боги стали к нам милостивы...

Он замолчал и отвернулся, не в силах говорить. Воцарилось страшное, тяжелое молчание. Слышно было, как потрескивает масло в светильниках, как дышат замершие у двери стражники. Я сидел, не шелохнувшись, думая не столько о дурной вести, с которой пришел сюда, сколько о себе самом. Нургал-Син, бывший царский мушкенум, был мелкой щепкой в темном лесу, но щепке, кажется, придется туго. Самое обидное, что придется расплачиваться за чужие грехи. Если бы Арейфоой побеспокоился о том, чтобы Главка-Клеотера лучше охраняли! Или хотя бы хранил тайну...

– Я должен подумать, – жрец встал. – И о том, что случилось, и о твоей судьбе. Жди здесь.

Он вышел, оставив меня наедине с охраной и моими мыслями. Последние были, признаться, не из веселых. Вспомнились слова странной старухи, поджидавшей меня у калитки. Гирто оказалась неплохой ясновидящей! Она обещала помощь, но в это верилось слабо.

Я ошибся, придя сюда. Безопаснее было направиться прямо к ванакту – Ифимедею мои новости понравились бы куда больше. Но и это не выход. На его месте я бы тут же подыскал подходящего убийцу для Гелена, а моя скромная персона вполне годится на такую роль. Убийца, да еще и грабитель – ведь золото и фарос оказались у меня!

Арейфооя не было достаточно долго. Стражники успели смениться, а молчаливый служитель дважды подливал масло в светильники. Я уже много раз прикидывал, как вырваться отсюда, но ничего подходящего в голову не приходило. Кажется, завяз я крепко.

Наконец дверь вновь отворилась, и на пороге появился Арейфоой. Он был не один – рядом нерешительно топтался невысокий человечек с чем-то странным в

руке. Присмотревшись, я, к своему удивлению, узнал тазик для бритья.

– Твоя жизнь в твоих руках, воин, – резко бросил жрец, подходя ко мне и глядя прямо в глаза. – Повинуйся, и ты увидишь рассвет.

– Звучит заманчиво, – согласился я, раздумывая, не вцепиться ли ему в глотку или, что еще лучше, взять в заложники, потребовав свободного выхода.

– Стой спокойно, – Арейфоой словно читал мои мысли. – Мои воины не промахнутся. Сейчас мы кое-что сделаем, но для начала тебя надо привести в порядок.

Пока я рассуждал над этими странными словами, человечек поспешил поставить тазик на стол и извлечь из складок плаща бритву и ножницы. Я невольно попятился.

– Не бойся, он лишь побреет и подстрижет, – губы старика скривились в подобие улыбки. – У тебя неподходящий вид.

Неподходящий – для чего? Спрашивать я не стал, равно как и сопротивляться. К счастью, бритва оказалась острой – из аласийской бронзы. Расправившись с моей бедной бородой, цирюльник занялся волосами. Окончив работу, он поклонился и поспешил исчезнуть.

– Так... – Арейфоой внимательно оглядел меня. – Уже лучше. Гораздо лучше!

Он кивнул в сторону открытой двери – и еще один молчаливый человечек в плаще осторожно поставил на столик шлем старой лидийской работы – с высоким гребнем, украшенный золотом и мелкими вставками из драгоценного железа. Я невольно залюбовался – шлем стоил целого состояния.

– Нравится? – жрец вновь понял мои мысли. – Примерь его.

Я повиновался. Затем Арейфоой кивнул на цепь. За нею последовал перстень, и наконец мне велено было накинуть на плечи фарос, который когда-то носил Гелен.

– Хорошо! – жрец вновь улыбнулся. – Отойди назад, воин. Я хочу посмотреть.

Я вновь не стал возражать, хотя чувствовал себя совершенно по-дурацки. Вдобавок смущало отсутствие бороды – без нее я ощущал себя почти что голым.

– О великие боги!

Это произнес не жрец. Заговорила статуя – один из молчаливых стражей. Другой поднес к лицу руку, словно увидел привидение. Все еще не понимая, я взглянул на Арейфою и вдруг заметил, что высокая худая фигура склонилась в глубоком поклоне.

– Радуйся, Клеотер, сын Главка, ванакт микенский, – торжественным тоном произнес жрец не по-хеттийски, а на языке Ахиявы. – Враги ошиблись, убив гонца вместо владыки. Твой верный слуга Арейфою, жрец могучего Поседайона, ждет твоих повелений.

Несколько мгновений я стоял, ничего не понимая, пока, наконец, все не стало на свои места. Я сорвал с головы шлем и расстегнул фибулу, снимая плащ.

– Неплохо придумано, богоравный Арейфою! – Я говорил по-прежнему по-хеттийски. – Похоже, ты готов посадить на трон самозванца? Только самозванцу это не по душе.

– Меня не интересует душа какого-то там Нургал-Сина, – брезгливо бросил жрец. – Такого человека вообще не существует. Есть Клеотер, законный владыка Микен и всего царства Ахейского, который был спасен в детстве и переправлен в Баб-Или, где служил в войске лугаля под чужим именем. Царские драгоценности прятал друг его отца – базилай Ифтим, а после его смерти – сын Ифтима Гелен. Лазутчики узурпатора Ифимедея не смогли узнать тайну, и убийцы сразили слугу, а не господина. Надеюсь, это легко запомнить, Клеотер?

– Царевич Клеотер, – поправил я машинально, пытаюсь найти выход из этой нелепой ситуации. Нелепой – и к тому же смертельно опасной.

– Прости, царевич, – жрец вновь поклонился. – От волнения я забыл об этикете. Итак, возможны два выхода. Или через час ты встретишься с теми, кто посадит

тебя на трон, или завтра у городских ворот будет найден труп царевича Клеотера, убитого на пороге родного дома. Это тоже будет неплохо – для начала.

Я понял – так и будет. Если я не соглашусь, им послужит мой труп.

– Ты изменник, богоравный Арейфоой, – заговорил я, желая потянуть время. – Вдобавок обманщик, а в будущем, кажется, сам желаешь стать узурпатором!

Жрец чуть заметно пожал плечами.

– Свергнуть убийцу и клятвопреступника – не измена, обмануть врагов – не обман. Я не ищу венца ванакта, хотя тоже являюсь потомком Главка Старого и Великого Дия, Владыки Ясного неба.

– Зато ты желаешь править, посадив на престол «ушебти»[21 - Ушебти – статуэтка, изображающая умершего (в Древнем Египте)].

– Ты был наемником, Клеотер, – усмехнулся старик. – Не такому, как Нургал-Син, именем коего ты звался, судить о власти. Ты воин, служивший за плату. Я предлагаю службу, а плата за нее – куда выше, чем в Баб-Или. Сейчас ты сможешь без помех обдумать все, что услышал. Надеюсь, мы договоримся, иначе мне и вправду послужит твое «ушебти».

Деваться было некуда. Обычно я презираю жрецов – надутых тупиц, набивающих брюхо жертвенным мясом. Но Арейфоой, потомок Дия, был не им чета. Такой, не моргнув, снесет тебе голову – или отдаст приказ вырезать целый город.

Судьба Нургал-Сина, бывшего царского мушкенума, была взвешена, вычислена и определена.

Меня отвели в самый конец коридора и впихнули в небольшую комнатку без окон, освещенную двумя чадящими факелами. Кроме них и старой скамейки у стены, здесь ничего не было. С порога я почувствовал знобящую сырость и

окончательно убедился, что нахожусь в подземелье.

Рядом со мной на скамейку положили драгоценный шлем и плащ. За спиной хлопнула дверь, послышался скрежет тяжелого засова. Я безнадежно оглянулся – чтобы вышибить такую дверь, требовался по меньшей мере таран.

Первым делом я скинул с себя тяжелую цепь и принялся снимать кольцо. Не удалось – палец разбух. Пришлось немало повозиться, прежде чем я понял, что реликвию придется терпеть и дальше. Это расстроило окончательно, и я помянул неблагодарную Иштар и сорок болотных лихорадок.

Приходилось бывать и в более опасных переделках, но в более глупых – никогда. За поясом спрятано золото, рядом лежат царские реликвии, вдобавок меня собираются посадить на трон. И все это за самую скромную цену – за непутевую голову «серого коршуна» из Баб-Или Нургал-Сина, имевшего глупость вернуться домой. То, что речь идет о голове, пояснений не требовало. Я немало слышал о переворотах, некоторые приходилось видеть воочию. Самозванцы редко захватывают трон, еще реже – удерживаются на нем. В лучшем случае меня ждет несколько дней во дворце ванакта, а затем неизбежное разоблачение и примерная казнь. Самозванцам не рубят голову. Обычно для них приберегают кое-что получше, и котел с кипящим асфальтом – еще не самое неприятное.

Очевидно, это понимал и богоравный Арейфоой. На котел, ожидающий меня, ему, конечно, наплевать, но собственной шкурой жрец явно дорожит. Будь я на его месте – то есть получи приказ подготовить переворот с такими мизерными шансами, то, без сомнения, избрал бы второй из предложенных вариантов: труп царевича при всех царских регалиях находят у ворот, возмущенный народ рвет на части убийцу-ванакта, а на престол – против всякого желания, конечно, – восходит благородный старец Арейфоой. Все это представилось мне настолько реально, что я невольно поежился. Вспомнилась сказка, слышанная в Баб-Или, о том, как великий Хаммураби, узнав о заговоре, велел посадить претендента на престол при всех регалиях, поклонился ему, а затем приказал прирезать, поскольку тот уже осуществил свою мечту: побывать на троне. Нечто подобное ожидало и меня, и нельзя сказать, что перспектива умереть в золоченом плаще, драгоценном шлеме и с царским перстнем на распухшем пальце сильно утешала.

Стук я услышал не сразу – настолько он был тих. Только после того, как неизвестный ударил сильнее, я вскочил и резко повернулся. Стучали в дверь.

Я поспешил подойти поближе.

– Царевич! – слышался еле различимый шепот. – Царевич Клеотер!

Менее всего хотелось отзываться на это имя. Но ночной гость оказался настойчив:

– Царевич! Если ты здесь, ответь, во имя богов!

– Я здесь, – молчать не имело смысла. – Кто ты?

Внезапно мне показалось, что я слышу смех. Через мгновение я понял, что не ошибся, – у моего собеседника оказалось странное чувство юмора.

– Это пока не важно, – наконец отозвался он. – Тебе обещали помощь, не забыл? Ты ведь встретил у калитки юную деву, прекрасную, как Эос?

Я не знал, кто – или что – такое Эос, но согласился – точнее описать юродивую старуху трудно.

– Я видел деву. Ее красота сравнима лишь с твоим остроумием, почтеннейший.

Вновь слышался смешок.

– Лучше сравни ее красоту с честностью жреца Арейфооя, о царевич!

Тут уж стало не до смеха.

– Ты поможешь мне? – поинтересовался я без особой надежды. – Там, кажется, нет замка, только засов...

– Ты наблюдателен, царевич, но увы... Здесь нет замка, однако за поворотом стоит стража. Но я уже помог тебе. Мои люди сообщили всем, кто ждет сына

ванакта Главка, что ты здесь. У богоравного Арейфооя связаны руки.

Придумано было неплохо. Как бы соглашаясь со мной, неизвестный вновь хихикнул.

– Увы, царевич, Арейфоой мудр. В этот миг он раздумывает, не выдать ли тебя и всех остальных ванакту. Весы колеблются, Клеотер. Сейчас он не сможет покинуть храм, но уже утром будет во дворце. За твою голову заплатят щедро.

Я хотел спросить: «И что же делать?» – но сдержался.

– Боги на твоей стороне, царевич, – голос за дверью внезапно стал совсем иным – густым и тяжелым. – Когда взойдешь на престол – не забудь тех, кто помог тебе.

– Не забуду, – охотно согласился я, мысленно добавив: «Если будет, кому помнить».

– Не забудь, – повторил неизвестный. Его тон стал прежним, и я услышал знакомое хихиканье. – Дам тебе три совета, как в сказках. Во-первых, надень панцирь. Во-вторых, думай только о престоле, о богоравном Арейфоое позаботятся другие. И в-третьих – верь только Мантосу, сыну Корона. Его отец погиб за твоего отца. Прощай, и да поможет тебе Дий, Отец богов!

Я ждал, что мой гость хихикнет напоследок, но на этот раз он был серьезен...

Постояв еще немного у дверей, я вновь уселся на скамью, но, не выдержав, вскочил и начал расхаживать из угла в угол. Легче не стало, но я почувствовал смутную надежду. Богоравный Арейфоой не всемогущ и не всеведущ. Что ж, советы я запомнил твердо – все три.

...И еще одна мелочь почему-то застряла в памяти. Арейфоой, жрец грозного Поседайона, называл Дия Владыкой Ясного неба. Для моего собеседника Дий был Отцом богов. Кажется, боги Ахиявы, как и люди, никак не могли договориться.

За мной пришли где-то через час. На пороге появился богоравный Арейфоой, первым делом кивнувший в сторону лежащих на скамье царских реликвий. Я не стал спорить и начал не спеша надевать цепь.

- Поскорее, царевич, - Арейфоой сделал нетерпеливый жест. - Тебя ждут.

«Живого», - мысленно добавил я, надевая шлем и застегивая фибулу плаща. За дверью топтались двое стражников, поглядывавшие на меня с плохо скрытым испугом. Жрец дал им знак, и мы пошли в сторону лестницы. Стража отстала, держась в отдалении.

- Мы, надеюсь, договорились? - Арейфоой вновь заговорил по-хеттийски, причем голос его звучал не столь уверенно, как раньше. - У тебя было время подумать, царевич.

- У тебя тоже, жрец, - спокойно заметил я и, понимая, что играть в эту игру все равно придется, вздохнул: - Согласен.

Старик еле заметно улыбнулся, как мне показалось, с явным облегчением.

- Но почему меня? - не выдержал я, все еще надеясь, что этот бред каким-то чудом кончится, не начавшись. - Неужели нельзя найти кого-то более подходящего?

- Нет времени, - жрец нахмурился. - Мы должны выступить завтра ночью. К тому же ты вполне подходишь, царевич. Разве ты не заметил?

Я вначале не понял, что имелось в виду, но затем вспомнил странное поведение стражников.

- Боги пошутили, - Арейфоой улыбнулся, на этот раз зло и даже презрительно. - Бывший царский мушкенум очень похож на покойного Главка, ванакта микенского... Особенно в его шлеме и плаще.

Последняя фраза прозвучала откровенно издевательски, но я не отреагировал. Мы поднялись по лестнице, оказавшись в узком проходе, где было совершенно темно, лишь в самом конце горел небольшой светильник.

– Сейчас тебе предстоит встреча с сестрой, – старик заговорил быстро, по-ахейски глотая звуки. – Ее зовут Ктимена, она тебя никогда не видела, но заранее полюбила.

Жрец недобро рассмеялся, и мне стало жаль царевну.

– Она ничего не помнит – ни родителей, ни того, что случилось двадцать пять лет назад. Ктимена никогда не верила в смерть брата... то есть в твою смерть, царевич. В ее глазах ты герой, пришедший отомстить за отца и мать!

Я вспомнил Гелена и пожалел беднягу. Теперь руки, похоронившие царевича, будут обнимать его сестру.

– Запомнил? – жрец остановился, резко втянув воздух сквозь стиснутые зубы. – Повтори, что я сказал!

Это была ошибка. Со мною так не смел разговаривать никто – даже тысяцкий во время боя. Резко повернувшись, я взял Арейфою за горло. Послышался сдавленный хрип.

– Игра началась, жрец, – я постарался усмехнуться как можно обиднее, хотя в темноте это было излишне. – Отныне я – Клеотер, сын Главка, законный ванакт Микенский. Обращайся ко мне, как положено, или я придушу тебя, как изменника. О моей сестре говори почтительно. Понял?

Я разжал руку. Старик резко выдохнул и что-то прошептал.

– Громче, жрец! Ты говоришь с ванактом!

– Я... все понял!

В хриплом голосе слышались ненависть и страх. До этого мгновения жрец презирал меня, теперь же стал ненавидеть.

– Повтори!

– Понял! – Голос сорвался в визг.

- Понял, ванакт! - подсказал я.

- Да. Я все понял, ванакт!

Я еле удержался, чтобы не придушить старого скорпиона на месте. Теперь я был твердо уверен, что мерзавец предаст - и меня, и всех остальных. Арейфоой слишком умен, чтобы поверить в успех, а мертвый «царевич» пригодится ему для торга с Ифимедеем. Но я отпустил мерзавца. Мы находились в самом сердце огромного храма, где Арейфоой был хозяином. К тому же мой смешливый знакомец обещал сам позаботиться о жреце, и я почему-то верил ему.

- А теперь веди. Пойдешь первым.

Жрец скользнул в приотворенную дверь, откуда лился неяркий теплый свет. Через какой-то миг он выглянул, жестом приглашая войти. Я без особых церемоний втолкнул его обратно, чтобы умный старик не исчез в темноте, и вошел сам.

Хе

«Она оказалась»

Она оказалась неожиданно высокой - чуть ниже меня - и очень худой. Длинные белокурые пряди выбивались из-под накидки. Лицо я разглядеть не успел, но поразили глаза - странные, полные боли. Так смотрит старуха. Похоже, царевна прожила свой недолгий век нелегко.

Я протянул руки, чтобы обнять ее, как и полагается при встрече, но внезапно девушка упала на колени. Худые, со вздувшимися венами руки обхватили мои колени.

- Ты... ты вернулся!.. - скорее угадал, чем понял я.

Такого я не ожидал, только сейчас сообразив, что значил брат для несчастной девушки. Брат, который лежал, наскоро присыпанный землей, у дороги на Аргусу...

Она обнимала призрак.

- Клеотер... - Голос прозвучал чуть громче. - Наш повелитель... Ты... ты здесь!

Несколько мгновений я стоял столбом, не соображая, что делать дальше. Я не помнил своих родичей, но все же постарался представить, что худая девушка с глазами старухи - моя сестра. А если не сестра, то верная подруга, которая вопреки всему ждала меня долгие месяцы, пока я воевал в пустыне. Ждала - и дождалась.

- Ктимена... - Я осторожно поднял ее и обнял, стараясь не глядеть в глаза. - Я вернулся, сестричка!

Она плакала, уткнувшись мне в плечо, а я ощущал себя последним подлецом. Скоро ей придется еще раз похоронить брата, и виноват в этом буду я. То, что старый мерзавец, придумавший все это, виновен еще больше, ничуть не утешало.

Арейфоой стоял рядом, глядя в сторону. Мне очень захотелось его ударить, и я еле сдержался.

- Не надо плакать, сестричка! - Я сжал ее лицо в ладонях, впервые взглянув ей в глаза. - Я ведь вернулся! Я живой!

Лицо ее казалось молодым, но возле глаз уже лежали первые морщины. А ведь Ктимене только двадцать пять...

Внезапно морщинки исчезли, глаза заиграли неожиданным ярким светом. Девушка засмеялась.

- Ну конечно! Зачем я плачу? Мой брат и повелитель вернулся. Ты жив, Клеотер! Боги сохранили тебя!

– Ты ведь за меня молилась? – брякнул я первое, что пришло в голову, с запозданием сообразив – это может прозвучать упреком.

– Брат! – Улыбка исчезла, сменившись испугом. – Я молилась за тебя каждый день! Я просила Поседайона, просила Дия, просила Атану! Я вышила покрывало для Реи, Матери богов...

– Мать богов, надеюсь, довольна?

Я, наконец, заставил себя улыбнуться и вдруг понял: девушка не понимает шуток, как не понимал их я, когда год за годом вращал мельничный жернов.

Я обернулся, заметив, что Арейфоой по-прежнему смотрит в сторону. Это заставило насторожиться. Жрец о чем-то размышлял, а такие люди умеют находить выход из любых положений.

Я рано начал радоваться. Надо спешить.

– Ктимена, – проговорил я как можно тверже, – у нас будет время, чтобы поговорить о том, как жила ты и где носило меня. Сейчас пора вспомнить: ты царица, ты – сестра и дочь ванакта.

Ее глаза вновь сверкнули. Теперь они были сухими и холодными.

– Ты прав, ванакт! Сестра не подведет тебя. Приказывай!

Я быстро вспомнил то, что удалось узнать.

– Кто такой Мантос, сын Корона?

– Твой самый верный слуга, ванакт, – царица обернулась к Арейфою, тот, не поворачиваясь, кивнул. – Его отец погиб, защищая нашего отца и нашу мать. Мантоса воспитали во дворце, но сын Корона остался верен нашей семье. Сейчас он второй геквет[22 - Геквет – командир (или заместитель командира) отдельного отряда.] дворцовой стражи.

– А кто первый?

- Старый Скир – тот, кто убил нашу мать, самая верная собака Ифимедея. Но все складывается удачно – Скир болен, и Мантос командует стражей.

Я быстро соображал, наконец-то попав в знакомую стихию. Дворец рядом, верный человек командует охраной... Те, что ждали царевича, неплохо подготовились. Оставалось захватить этот – Хумбаба его возьми – престол, а там уж по возможности выбираться из Микасы. Иного пути я не видел.

Но кое-что продолжало беспокоить. Этот «кое-что», а точнее, кое-кто стоял рядом, с невозмутимым видом глядя на нас с девушкой. Арейфоой вновь стал спокоен и деловит. И его спокойствие не нравилось мне более всего.

- Пора, ванакт, – негромко напомнил он, – тебя ждут.

- Кто? – поинтересовался я, пытаюсь понять, что он задумал.

- Друзья. Те, кто хочет вернуть тебе престол.

- Поспешим, брат, – кивнула Ктимена. – Пора!

Снова коридор, лестница, ведущая вверх, негромкие шаги стражи за спиной. Я мысленно перебирал все возможности. Нет, иного пути я не видел. Война научила: всегда лучше наступать, чем бежать от врага. Ванакт Ифимедей, кажется, изрядная сволочь, и мне его заранее было не жаль. Сразу не разоблачат – меня признала «сестра», да и сходство с покойным Главком должно помочь. А победителю всегда легче найти выход, чем побежденному.

Я одернул себя – о свободе думать рано. Враги Ифимедея продумали все – кроме предательства. Переворот намечен на следующую ночь, а за сутки может случиться многое.

- Брат, – прервала мои невеселые размышления девушка, – список у меня. Их сорок семь.

- Кого? – немного оторопел я.

– Тех, кого должен призвать к себе Гадес, – негромко подсказал жрец. – Царевна выткала их имена древними критскими знаками на покрывале.

– Для Реи, Матери богов? – брякнул я, на миг почувствовав нечто вроде омерзения. Готовилась резня. Интересно, сколько человек погибло двадцать пять лет назад?

– Да, – кивнул Арейфоой, – на покрывале Реи, Матери богов. В списке все, кто свергал богоравного ванакта Главка, и их дети. Никто не должен уйти.

– Но сначала надо убить его! – дрожащим голосом проговорила Ктимена. – Убийцу наших родителей и его проклятое отродье! Я выколю ей глаза, вырву волосы, буду жечь факелом! Отдай ее мне, брат!

Более всего испугал голос – царевна умоляла о мести так, как другие просят о самом драгоценном подарке. Я мельком взглянул на ее лицо и вздохнул. Ненависть – не та пища, которой следует питаться всю жизнь. К тому же у богоравного Арейфооя наверняка где-нибудь выткан другой список, который он в любой момент готов передать ванакту. Первым в этом списке скорее всего иду я, а второе место, без сомнения, принадлежит Ктимене.

– Брат, ты слышишь меня?! – настойчиво повторила девушка. – Ты отдашь мне ее?

– погоди, сестричка, – я остановился, не обращая внимания на нетерпеливый жест Арейфооя. – Я вернулся в Микасу... в Микены несколько часов назад. Он – это, наверное, Ифимедей, наш дядя?

– Дядя?! – выдохнула Ктимена. – Я готова выпустить из жил всю свою кровь, чтобы не считаться его племянницей!

Последнее было явно излишним – кровопускание ожидало не ее, а ванакта.

– А она?

– Ты что, не знаешь? – Глаза блеснули ненавистью. – Его дочь! Та, что живет в комнате нашей матери, носит ее покрывала, надевает ее кольца. Я выколю ей

глаза...

Девушку явно начинало водить по второму кругу. Сейчас речь пойдет о вырывании волос и о факеле. Я повернулся к жрецу.

- Дейотара, дочь ванакта, - неохотно подсказал он. - Она тоже в списке.

Неприятно, когда двоюродная сестра носит кольца твоей матери, но в этой ненависти было еще что-то - пугающее, необычное.

- Ладно, - произнес я как можно внушительнее. - Все получают по заслугам. Пошли!

Лестница закончилась. Мы были на площадке перед колоннадой, отделявшей нас от большого полутемного зала. Я обернулся к жрецу.

- Главное святилище, - кивнул он. - Там собрались наши друзья. Они ждут, ванакт.

Я еще раз вспомнил все, что могло помочь. Кольчужная рубаха на мне, так что о панцире можно не заботиться. Верить следует только Мантосу, второму геквету. Переворот намечен на завтрашнюю ночь...

Перед глазами встало лицо Гелена. Как бы повел себя он на моем месте?

- Ты принес жертву, Арейфоой? - внезапно спросил я, вспомнив предсмертную просьбу своего спутника. - Ту, о которой говорил Гелен?

Жрец недоуменно поднял брови, но я заметил, что он смущен.

- Сейчас не время... - начал он, но я был настойчив.

- Почему он велел принести жертву Поседайону, а не подземным богам? О чем он хотел просить? Молитву за удачу нашего дела мы и так догадаемся вознести.

– Он... – Арейфоой на миг заколебался. – Гелен считал, что прогневал богов одним своим... поступком и надеялся, что Великий Землевержец простит его. Но в его поступке не было греха. Забудь об этом.

Жрец говорил правду – но не всю. К тому же я знал разных жрецов, в том числе и редких негодяев, но не один из них не отзывался так о просьбе умирающего. А ведь погибший был Клеотером, микенским царевичем!

Было о чем подумать, но времени на это не оставалось. Я поправил фарос, чуть сдвинул шлем на затылок и, еще раз припомнив все, что следует делать, кивнул. Арейфоой хотел войти первым, но я отстранил его и шагнул мимо серых колонн в Святилище.

Передо мной были ступени, а чуть ниже – огромный зал, окруженный колоннадой. Неровный свет факелов освещал огромного истукана у противоположной стены, очень похожего на уже виденного в подземелье. Отсветы пламени плясали на дереве – казалось, Владыка Поседайон угрюмо усмехается.

Между Землевержцем и лестницей стояли люди – их было много, десятка четыре. На миг вернулся страх, но я овладел собой, представив, что это обычная битва, которых за плечами не счесть. Вскинув голову, я медленно подошел к лестнице и сделал первый шаг.

– Остановись, – слышался шепот жреца. – Пусть увидят!

Я послушно замер, пытаюсь рассмотреть тех, кто ждал меня внизу, но слабый свет превращал собравшихся в одно сплошное темное пятно. Итак, я стоял на верхней ступеньке, рядом застыли Арейфоой и девушка, слева и справа горели факелы, и все это, наверное, выглядело достаточно эффектно, не хуже, чем на празднике Бела в Баб-Или.

Я ждал, но внизу царило мертвое, тяжелое молчание. Мелькнула мысль о том, что делать, если сейчас услышу: «Самозванец!» Но я отогнал ее, улыбнулся и медленно поднял вверх правую руку.

По толпе пронесся шепот, и чей-то резкий, испуганный голос неуверенно произнес:

– Ванакт! Ванакт Главк!

Но тут же другие голоса – сильные, уверенные, поправили его:

– Ванакт! Ванакт Клеотер, сын Главка! Богоравный Клеотер!

Теперь уже кричали все, толпа распалась, люди хлынули вперед, вверх по лестнице, но остановились посередине, не решаясь подойти.

– Радуйся, ванакт Клеотер! Ты вернулся! Боги хранят нас!

Я перевел дух. Что делать дальше, я знал – речи перед боем произносить обучен. Набрав побольше воздуха, я поведал и без того очевидную вещь: я, Клеотер Микенский, вернулся и весьма на них всех рассчитываю. В ответ раздался недружный крик, но я не стал вслушиваться. Мысли были короткими и четкими, как и полагаются в бою. Они признали меня, потому что очень ждали. И еще потому, что я похож на покойного Главка – и это облегчает дело. Но их слишком много, а среди полусотни людей обязательно найдется предатель. Значит, через час Ифимедей будет знать все...

...Через час! А ведь переворот намечен на завтра. Зачем же было созывать всех в эту ночь? Не затем ли, чтобы попросту собрать всех вместе?

Это никак не подбодрило, но я постарался не подать виду. Шум стих, я вновь поднял руку:

– Готовы ли вы идти со мной?

Они были готовы, по крайней мере на словах. Следовало спешить. Десятки лиц – старые, молодые, благородные и простолюдины. Кто-то пришел сюда из ненависти к Ифимедею, кто-то помнит покойного Главка, а кто-нибудь уже подсчитывает серебро, которое получит от ванакта – нынешнего. Может, на это и рассчитывает Арейфоой? Но ведь в таком случае его тоже посчитают изменником?

Пора было переходить к делу. Я окинул взглядом святилище, встретился взглядом с деревянным Поседайоном и четко произнес:

- Геквет Мантос, сын Корона, мой верный слуга, приблизься!

Толпа вновь затихла. Я с любопытством ждал, и вот по ступенькам стал быстро подниматься широкоплечий парень в короткой военной хламиде, чем-то похожий на покойного Гелена. Наши глаза встретились – Мантос оказался неожиданно молод, лет на семь младше меня. Яркие губы улыбались, голубые глаза смотрели спокойно и решительно. Геквет был красив и, наверное, очень нравился здешним девицам. Но, кроме красоты, в нем чувствовалась сила, он держался прямо и ровно, как и надлежит военному. Не доходя двух шагов, он опустился на одно колено.

- Радуйся, ванакт! Мантос, сын Корона, приветствует тебя на престоле!

Пока я поднимал его с колен и обнимал, как и положено ванакту, в голове занозой ерзала подлая мысль: что, если меня обманули? Начальник дворцовой охраны – это слишком хорошо, чтобы походить на правду. Но иного выбора не оставалось.

- Радуйся, Мантос, сын Корона, – я улыбнулся и произнес то, что задумал заранее: – Радуйся, лавагет царства ахейского! Служи мне так, как отец твой служил моему отцу!..

Зрачки геквета за миг сузились, губы побледнели – он явно не ожидал такого. На это я и рассчитывал. Если Мантос верен – будет еще вернее, если нет – дорога назад отрезана.

- Меч, – шепнула мне Ктимена. – Дай ему меч!

Меча у меня не было, но я быстро нашелся.

- Дай мне свой меч, Мантос, сын Корона!

Он повиновался. Я мельком взглянул на незнакомую мне форму клинка, оценил качество бронзы, полюбовался удобной рукояткой – гладкой, из полированной белой кости – и вручил его геквету.

- Возвращаю его тебе, Мантос. Теперь ты – мой меч и моя правая рука!

Будь это при других обстоятельствах, я бы не стал произносить подобные слова, а вместо этого выпил бы с парнем хорошего лидийского вина и поговорил по душам. Но времени не было, а высокие речи тоже иногда могут принести пользу. Я кивнул Мантосу, и он стал рядом. Те, что были внизу, зашумели, кто-то крикнул: «Радуйся, лавагет Мантос!», но я тут же махнул рукой, призывая к тишине. Требовалось немного времени, чтобы поговорить наедине с сыном Корона. Я обернулся к жрецу:

– Богоравный Арейфоой, вознеси молитву Великому Поседайону!

...Честно говоря, я не имел представления, каков ритуал в храмах Ахиявы. Но раз жрецы существуют, должны же они обращаться к небожителям?

Мои слова покрыл слитный гул одобрения. Арейфоой бросил на меня быстрый недобрый взгляд и выступил вперед, воздев руки к освещенному факелом истукану. Подождав, пока стихнет шум, он заговорил громким, неожиданно молодым голосом:

Славься, владыка земли и морей Поседайон!

Землю и море бесплодное ты в колебанье приводишь...

Дальше слушать не стоило. Наклонившись к Мантосу, я быстро спросил, надеясь, что Арейфоой, занятый общением с Землевержцем, меня не услышит:

– Сколько у нас людей?

– Десять у входа в храм, – шепотом ответил он. – Еще двадцать я поставил вокруг.

– Значит, храм окружен?

– Мышь не пробежит, – улыбнулся парень. – Но эта толпа мне не нравится, ванакт. Арейфоой обещал привести самых верных...

Я прислушался к тому, что говорил жрец. Речь, как я понял, шла об укрощении диких коней. Кажется, старик завелся надолго.

- А кто эти? - я кивнул в сторону молчаливо внимавших Арейфою слушателей.

- Кое-кто из гиппетов, ванакт. Но в основном всякие купчишки, деревенские басилеи... Не понимаю, зачем Арейфою позвал их сюда?

Я, кажется, уже понимал. Если придется разоблачать заговор, можно одним ударом расправиться со всеми неугодными. Кроме того, добро изменников, как всем ведомо, конфискуется.

- Кто решил выступать завтра? Кто назначил срок? Арейфою?

- Да, - кивнул Мантос. - И мне это тоже не нравится.

- Согласен. До утра тайна станет известна всему городу...

- Значит, сегодня? - Мантос улыбнулся, и я понял, что получил хорошего помощника.

- Да, сегодня. Сейчас.

Он вновь кивнул, и я почувствовал что-то, похожее на уверенность в успехе. Всегда хорошо иметь дело с теми, кто носит щит!

Слава тебе, Поседайон, объемлющий землю!

Милостив будь и помощь подай нам, блаженный!

Арейфою выкрикнул последнюю фразу и поднял руку, желая говорить, но я опередил его:

- Час пробил! Я иду, чтобы воссесть на трон моих предков! Вы со мной?

Ответ был не особо внятный, но дружный. Иного и не требовалось.

- Но, ванакт!.. - жрец тронул меня за плечо.

– Да, богоравный Арейфоой! – спохватился я. – Кажется, я оставил у тебя свою секиру.

– Где она? – тут же заинтересовался Мантос. – В твоих покоях, жрец?

Похоже, старик был не прочь спуститься в подвал сам, но сын Корона, явно что-то сообразив, отправил за моей любимой «черной бронзой» одного из своих людей. Кто-то принес несколько копий, которые тут же разобрали собравшиеся. Впрочем, многие были с оружием, а некоторые – и в панцирях.

– Брат! – Девушка просяще прикоснулась к моему подбородку. – Разреши мне пойти с тобой! Я хочу увидеть... Я так долго мечтала...

В последнем я не сомневался, хотя и не хотел, чтобы у моей сестры – будь у меня сестра – имелись такие кровожадные мечты. Впрочем, желания Ктимены вполне совпадали с моими – отпускать ее было опасно.

– Хорошо, – я сделал вид, что это стоит мне усилий. – Пойдешь со мной.

– Клеотер! – Девушка покраснела и неожиданно потерлась щекой о мою руку, словно я обещал взять ее на весенний праздник Иштар.

Тем временем Мантос быстро разобрался с собравшейся в храме толпой. Его усилия не пропали даром – скопище стало приобретать вид боевого отряда. Те, что помоложе, получили оружие и построились ближе к выходу. Несколько воинов, вынырнувших из полумрака, стали впереди и по бокам.

– Ванакт!

Кто-то протягивал мне секиру. Я с удовольствием сжал знакомую рукоять. Посланец проявил добросовестность, не забыв также кинжал и ножны. Теперь я был почти во всеоружии: в подобных схватках хорошо иметь щит, а его-то мне и не доставало. Я хотел обратиться с просьбой к Мантосу, но кто-то, сообразив, вручил мне нечто старинное, снятое со стены. К счастью, это оказался именно щит, а не те безделушки, которые часто вешают в храмах. Я подтянул ремень, закинул щит за спину и решил, что готов.

Остальные были тоже готовы – об этом доложил Мантос. Я окинул критическим взглядом наспех построенную колонну. Будь у меня выбор, я предпочел бы взять с собой пару десятков из тех, с кем служил в Баб-Или, но вслух, естественно, говорить этого не стал. Новый лавагет делал все, что мог. Конечно, торговцы и сельские козопасы-басилеи не Адад весть какие вояки, зато они точно знают, что в случае поражения пощады ждать нечего. Я мысленно помянул Аннуаков и все милости их и велел выступать.

Отряд вышел через главный вход на пустынную площадь перед храмом. Увы, даже этот простой маневр привел к тому, что строй распался, вновь вернувшись в исходное состояние. Воины Мантоса забежали взад и вперед, приводя козопасов в чувство, а сам лавагет распорядился снять оцепление вокруг храма, чтобы усилить отряд. Я был занят тем, что следил за Ктименой и жрецом, не отпуская их ни на шаг. Впрочем, девушка сама не собиралась отходить от меня, а что касается Арейфооя, то он держался невозмутимо, время от времени еле заметно хмурясь. Жрец волновался, но не слишком. Наш неожиданный поход не застал его врасплох.

Воины Мантоса, охранявшие храм, быстро занимали места в строю. Пора было выступать, но лавагет отвел меня в сторону. Ктимена шагнула вслед за мной. Мантос оглянулся и достал из складок плаща небольшую алебастровую табличку.

– Это хотели передать во дворец, – шепнул он, – один из младших жрецов. Еле успели перехватить.

На табличке были наскоро набросаны красной краской непонятные закорючки, похожие на детские рисунки.

– Старое критское письмо, – пояснил Мантос. – Его я не знаю.

Тут я впервые понял, что не зря взял Ктимену с собой. Девушка внимательно рассмотрела странные знаки, губы ее сжались, глаза сверкнули гневом:

– Тут написано: «Клеотер здесь. Мантос предатель. Беги, ванакт!»

– Коротко и ясно, – согласился я. – Хорошо, что перехватили.

– Я убью изменника, – прошептала девушка. – Он умрет первым, брат!

– Разберемся позже, – рассудил я. – Пошли!

– Арейфоой? – шепнул мне на ухо Мантос, и я кивнул в ответ. Табличка сказала мне многое. Измена не удивила, но то, что предатель советовал Ифимедею бежать, а не сопротивляться, изрядно порадовало. Значит, мы все-таки их опередили!

Я стал во главе отряда. Воины еще раз подровняли строй, лавагет выжидательно взглянул на меня, и я не стал медлить.

Первые же наши шаги наполнили пустую площадь грохотом и лязгом. Я поморщился – носить оружие козопасы не умели.

Дворец находился рядом, следовало лишь пересечь площадь и обойти его справа, по небольшому переулку. Будь со мною «серые коршуны» из Баб-Или, мы попросту пробежали бы это расстояние, чтобы слегка согреться перед схваткой. Однако сейчас я старался не спешить, дабы колонна не рассыпалась. Мантос между тем вполголоса излагал свой замысел. Как я понял, внешняя охрана выполнит любой его приказ. Многого от нее и не требовалось: пропустить нас и не пускать никого другого. Но личные покои ванакта охраняли иноземцы, которые подчинялись лишь Ифимедею и первому геквету Скиру. Вот тут придется поработать, поскольку большая часть наемников – шардана[23 - Шардана – древний народ, живший на побережье Черного моря. Шардана служили наемниками в странах Средиземноморья, в том числе в Микенах.], которые скорее умрут, чем отступят.

Я понимающе кивнул. Шардана, выходцы из-за моря Мрака, славились верностью и умением драться. Значит, предстоит рубка.

Мы углубились в переулок. Впереди показались стражники, поспешившие взять копья на изготовку, но Мантос шагнул к ним, о чем-то коротко переговорил, и воины послушно присоединились к колонне. Сын Корона между тем сообщил,

что все входы во дворец, а также подземный ход и потайная калитка перекрыты. Мы же атакуем через главный вход – ибо новый ванакт не может войти во дворец крадучись, как ночной вор.

Я не стал спорить, хотя во дворец энси Ура мы ворвались именно через потайную калитку, застав охрану врасплох. Но тогда я был просто Нургал-Сином и не думал о престоле.

Переулок уже заканчивался, и я обернулся, чтобы подождать отставших, как вдруг услышал предостерегающий возглас Ктимены, и тут же десяток воинов окружили меня, прикрывая щитами.

Поздно!

...Это был дротик, брошенный откуда-то сверху. Он попал точно в сердце, но кольчужная рубаха выручила и на этот раз.

– Брат!

Ктимена уже была рядом, но я ободряюще усмехнулся и продемонстрировал порванный край плаща.

– С крыши, – сообщил Мантос. – Их было двое.

Двое? И тут я наконец заметил, что рядом царит какая-то странная суэта. Отодвинув в сторону чей-то щит, я охнул – Арейфоой, богоравный слуга Поседайона, лежал на земле, беспомощно раскинув руки. Возле него толпились люди, но я понял, что хлопоты бесполезны – второй дротик пробил старику горло.

Я склонился над ним и тут же встал – Арейфоой уже отправился в свое последнее путешествие. Кто-то подал мне плащ, и я поспешил накрыть им тело, чтобы не видеть пустого взгляда застывших темных глаз.

– Воины! – крикнул Мантос, уже пришедший в себя. – Узурпатор Ифимедей убил богоравного Арейфооя! Отомстим за святотатство! Смерть!

– Смерть! – отозвались десятки голосов, и я мысленно похвалил Мантоса за живое воображение. Из головы не выходил совет, данный моим смешливым собеседником. Панцирь! Убийцы попали мне в грудь, но дротик ударился легко, как будто его кидали от локтя. А вот жрецу повезло меньше – пущенный в полную силу дротик угодил прямо ему в незащищенное горло – для верности.

– Ванакта Клеотера спасли боги! – слышался голос Ктимены. – Граждане Микен, это – великий знак! Это знамение! Дротик отскочил от груди моего брата!

Снова дружный вопль. Что ж, мертвый Арейфоой послужит нам лучше живого. Верховного жреца Ифимедею не простят.

Несколько мгновений я стоял над неподвижным телом. Наступила полная тишина, все затаили дыхание, боясь помешать. Старого скорпиона было не жаль, но превратность судьбы в который раз поразила меня. Еще час назад жрец думал, что вершит судьбами царств, верил, что начинается лучшая часть его жизни, – и вот мертвое тело лежит на грязной мостовой у ног «ушебти», которого Арейфоой собирался посадить на залитый кровью престол. Внезапно я вспомнил о Гелене.

– Ты не принес жертву, богоравный Арейфоой, – негромко проговорил я, – воля умирающего священна, жрец. Прощай.

Наверное, со стороны казалось, что я читаю молитву.

Вернулись воины, пытавшиеся догнать убийц, но те словно растворились в ночном мраке. Иного я и не ждал. Как мне и было обещано, о верховном жреце позаботились, проделав это с немалым искусством.

– Пора!

Я вновь встал во главе отряда, Мантос и Ктимена заняли свои места, и мы двинулись дальше. Девушка что-то говорила о гекатомбе, которую она совершит в честь моего спасения от смерти, но я не слушал. Переулок кончился, впереди еще одна площадь, а там – дворец. Если Мантос не ошибся, эту часть пути мы пройдем без боя. Предстоящая схватка не страшила, но я вспомнил, что вслед за нею начнется резня. Сорок семь человек из списка Ктимены. Я хотел спросить лавагета, нельзя ли пощадить хотя бы детей, но промолчал. Отец Мантоса

погиб, защищая своего владыку, а теперь его сын, оставленный в живых победителями, идет мстить.

Наконец переулок кончился. Стало немного светлее – мы вышли на площадь. Справа темнел массивный храм (Мантос успел пояснить, что это святилище Дия, Отца богов), а слева возвышалось мрачное здание с колоннадой вдоль фасада.

– Дворец, – негромко проговорила Ктимена. – Вспоминаешь, брат?

– Нет, – в такой миг врать не хотелось. – Не помню.

– Ты забыла, царевна, – вмешался Мантос, – тогда дворец был еще не достроен, вход находился с другой стороны – там, где сад.

Я мысленно поздравил себя с удачным ответом. Иногда говорить правду полезно.

Отряд вышел на середину площади и развернулся лицом ко входу. Мантос отдал короткий приказ, и его воины пробежались вдоль строя, выравнивая ряды. Геквет начал делить нас на группы, ставя каждой отдельную задачу, как вдруг замолчал, настороженно глядя на дворец.

– Огни! – с тревогой выдохнул он. – Почему там огни?

Между колонн, только что тонувших во мраке, вспыхнули факелы. Послышались крики и топот множества ног. Из дверей выбегали воины, тут же строясь в развернутую шеренгу. Тускло блистали наконечники копий, колыхались высокие перья на рогатых шлемах...

– Шардана! – крикнул кто-то, и по всему отряду пробежал испуганный шепот.

– Молчать! – рявкнул Мантос. – Первого, кто оставит строй, зарублю на месте! Копья к бою!

Наш отряд ошетинился, словно еж, но я чувствовал – настроение сразу изменилось. Легкой прогулки не будет. Я быстро прикинул число врагов: не меньше полусотни. У нас – три десятка вояк и сорок козопасов...

Пока я подсчитывал наши шансы, из-за колонн показались новые воины.

– Там все шардана, – тихо проговорил геквет, – их семь десятков. Уходи, ванакт! Я дам тебе двадцать воинов, ты сможешь уйти из города. У ворот мои люди.

Я мысленно помянул Иштар и все ее каверзы. Бежать с поля боя приходилось; победа и поражение – удел воина, но спастись бегством, когда бой еще не начался! С другой стороны, это – шанс. Последний шанс для Нургал-Сина уйти из Микасы подобру-поздорову, с головой на плечах и золотом в поясе. Через час я буду спасен. Что из того, что семь десятков людей будут изрублены только за то, что клялись мне в верности? Ведь они клялись царевичу Клеотеру, а я – всего лишь «ушебти»...

– Перестрой отряд! – гаркнул я, отрывая Мантоса от его невеселых раздумий. – Глубина строя – пять шеренг, воинов – в первые ряды и на фланги. Царевну – назад!

Командовать по-ахейски оказалось нелегко, некоторые слова так и тянуло сказать на языке Баб-Или, но лавагет понял сразу. Пока Мантос распоряжался, а его воины пинками расставляли козопасов по местам, я напряженно всматривался в темноту. Сейчас они ударят! Они обязаны атаковать, пока я не развернул строй! Они уже упустили несколько драгоценных мгновений, дав нам возможность опомниться. Не дураки же там! Но почему они медлят?

– Отряд перестроен, ванакт! – Мантос вновь оказался рядом. – Ты... Ты остаешься?

– Брат! – донесся голос Ктимена. – Меня не пускают к тебе! Прикажи пропустить меня!

Надо было отвечать двоим сразу, но я решил, что это излишняя роскошь. Минута решает исход боя. Адад, податель благ, не подведи!..

– У Ифимедея есть еще люди? – Я резко повернулся к Мантосу. – Отвечай, лавагет!

– Нет, – тихо вздохнул он. – Он собрал всех шардана, но остальные не выступят без моего приказа.

– Значит, нас не смогут окружить?

Геквет оглядел площадь перед дворцом и покачал головой:

– Других войск в Микенах нет. Мы позаботились. Шардана – это все, что у него осталось. Не понимаю, где я ошибся...

Меня тоже это интересовало, но заняться разбором операции можно будет позже – если уцелеем. Я усмехнулся и поудобнее взял в руки «черную бронзу».

– Мы атакуем, Мантос.

– Но...

– Отставить! – Я набрал в грудь побольше воздуха и прокричал, с ходу переводя команды с языка Баб-Или на ахейский:

– В атаку! Быстрым шагом! Расстояние между шеренгами – один шаг. Вперед!

Акцент был, конечно, ужасный, но меня поняли. Гулко ударили о брусчатку десятки сандалий, легко качнулись копья...

Мантос что-то спросил, но я не расслышал, лихорадочно прикидывая план боя. Сейчас они двинутся с места, значит, встретимся где-то через тридцать шагов. За десять шагов надо скомандовать «Бегом марш!», а до этого обязательно разглядеть их начальника. Его я зарублю первым...

– Кто там старший? – бросил я Мантосу, вглядываясь в темный строй шардана. Странно, они все еще не сдвинулись с места.

– Не вижу... Вижу, ванакт! Это Прет, сын Скира, третий геквет стражи! Вот он, в центре.

Я тоже увидел его. Высокий парень с необычным круглым щитом, в руке вместо копья – большая секира.

– Вы с ним враги?

– Друзья, – глухо ответил геквет и, вздохнув, добавил: – Были...

Что ж, бывает и такое. Секира третьего геквета вызвала уважение, но вояка он определенно плохой. Даже первогодок знает, что врага надо встречать только в движении. Неподвижный строй обречен, а нужный темп не наберешь за несколько мгновений...

И тут перья на шлеме третьего геквета колыхнулись. Прет шагнул вперед – один. Шардана остались на месте.

– Остановись, Мантос! – Прет легким движением перебросил секиру на плечо. – Ты что, затеял учения на ночь глядя?

Тон был под стать движениям – легкий и небрежный. Прет еще мгновение поиграл секирой, как будто та была из папируса, и внезапно кинул ее в сторону. Звонко прогремел металл, ударившись о брусчатку.

– Стой! – Я поднял руку, догадавшись, что боя не будет.

Прет уже был в двух шагах. Без секиры с ним разговаривать было спокойнее – он оказался выше меня на полголовы, да и в плечах шире. С таким только сцепись! Шлем был опущен, и поэтому я не мог увидеть его лица, но успел заметить на тонких губах легкую усмешку.

– Освободи дорогу! – крикнул Мантос. – Дорогу ванакту Клеотеру!

Прет, не отвечая, быстро обвел взглядом строй и шагнул ко мне. Мантос дернулся, поднимая копье, но третий геквет неожиданно опустился на одно колено, склонив голову.

– Радуйся, царевич Клеотер! Я бы отдал тебе секиру, но с нею бы меня не подпустили.

Он поднял голову и насмешливо поглядел на Мантоса.

- Встань, - велел я, на всякий случай не трогаясь с места. - Моя секира не хуже твоей, третий геквет. Ты назвал меня царевичем. Почему?

- Ванактом ты станешь, когда войдешь во дворец, - Прет легко поднялся и расправил плечи, словно потягиваясь. - У меня здесь шардана, а у отца во дворце - стража.

- Скир во дворце, - прошептал Мантос. - О боги!

Поминать богов было самое время. Стража сделает все, что прикажет первый геквет. Даже разбив шардана, мы не войдем внутрь.

- Итак, царевич, - Прет сдвинул шлем на затылок и улыбнулся, - поговорим?

Мгновение, не больше, я раздумывал. Терять драгоценное время не хотелось, переговоры с противником во время боя - дело опасное.

- Говорить будем позже, - отрезал я, - когда займем дворец.

- Не верь ему, брат, - крикнула Ктимена, наконец-то пробравшаяся ко мне. - Они тянут время!

- Времени много, - равнодушно заметил Прет. - Ифимедей не выйдет из своих покоев - там наши воины. Мы пропустим тебя во дворец, царевич, но у нас есть условия...

- Просьбы, - поправил я. - Ванакту условий не ставят.

- Просьбы. Они вполне разумны, царевич, и у нас есть для них основания, - он с усмешкой обернулся к неподвижной шеренге шардана. - О мелочах, пожалуй, можно поговорить во дворце, но главное решим здесь. Ифимедей твой, делай с ним что угодно, как и с его дочерью. Но больше никто не будет ни убит, ни изгнан. Поклянись - и дворец ваш.

- Нет! - тут же заспешила Ктимена. - Это убийцы наших родителей! И прежде всего Скир, его отец!

Третий геквет поклонился девушке, во взгляде его я уловил легкую насмешку.

- Когда царевич взойдет на престол, он помилует их. Мой отец завтра же покинет Микены. Он уже стар и желает отдохнуть. Но крови не будет. Поклянись, ванакт!

Этот насмешливый парень умел вести переговоры. Наконец-то я разглядел его лицо - худое, с тонкими губами и решительными складками у рта.

- Ты назвал меня ванактом? - заметил я, пытаюсь понять, верю ли я ему.

- Да, ванакт. Видишь, я уже признал тебя, значит, отрезал себе путь назад.

Тон оставался прежним, словно речь шла о легких дворцовых сплетнях. Держался он неплохо.

Это могла быть ловушка, но я поставил себя на место Ифимедея. Если мы попадем во дворец, численное преимущество уже не будет играть такой роли. Риск был, и немалый, но я уже почти решился.

- Чем ты докажешь, что нас не ждет западня? - резко проговорил молчавший все это время Мантос.

- Да ничем, дружище! - широко улыбнулся Прет. - Ванакт Клеотер знает, что я говорю правду. Ведь ему обещали помочь.

И третий геквет достаточно точно воспроизвел знакомый мне смешок.

- Хорошо, - я решительно шагнул вперед. - Клянусь, что никто не пострадает, кроме Ифимедея!..

- И этой суки! - тут же добавила Ктимена. Я невольно вздрогнул.

– И его дочери. Никто не будет убит или изгнан. А сейчас, Прет, прикажи своим шардана положить оружие и отведи их в сторону. Сам возвращайся.

– Подберите мою секиру, – бросил Прет самым небрежным тоном и, повернувшись к своим воинам, отдал короткую команду. Послышался лязг и звон – шардана положили копья и принялись снимать перевязи с мечами.

– Брат, их нельзя помиловать! Убей их! Не верь Прету! – шептала Ктимена, я же внезапно почувствовал нечто вроде облегчения. Положение «ушебти» имеет свои преимущества. Все было спланировано без меня, оставалось следовать уже готовому замыслу. Тот, чей смех Прет так точно воспроизвел, не желал резни. Здесь наши желания совпадали.

Шардана уходили, ровно печатая шаг. Прет, поглядев им вслед, не спеша подошел ко мне и встал рядом, непринужденно отодвинув в сторону Ктимену.

– Дворец твой, ванакт! – он махнул рукой в сторону колоннады и начал что-то негромко насвистывать.

– Ванакт? – Мантос вопросительно поглядел на меня. Я кивнул. Лавагет отдал команду, и мы быстро двинулись вперед. Не удержавшись, я обернулся к Прету:

– А чего желаешь ты, третий геквет?

– Разного, – слышался невозмутимый ответ. – Завтра, если боги будут к нам милостивы, тебе предстоит тяжелый день, ванакт. Все придут просить награду. Я подожду.

Чем-то этот парень мне нравился. Люблю спокойных людей.

– Ифимедей ничего не знает? – поинтересовался Мантос. Прет покачал головой:

– Он спит. Вечером он выпил слишком много лидийского вина. Наши воины следят, чтобы его не беспокоили. А где богоравный Арейфоой?

Третий геквет усмехнулся, и я понял, что ответ ему уже известен.

– Ифимедей послал к нему убийц, – сообщил я, покосившись на Прета. – Они пытались убить и меня...

– Но ты жив, хвала Дию, – мгновенно отреагировал тот, и я уже не сомневался, кто стоял за всем этим.

Мы подошли к ступеням, ведущим к главному входу. Мантос, остановив отряд, отдал короткий приказ. Десяток воинов окружили нас, а остальные, вместе с козопасами, заметно повеселевшими от такого поворота дел, двинулись к дверям.

– Подожди здесь, ванакт, – Мантос усмехнулся. – Мы должны проверить.

Он первым взбежал по ступеням. Я, Ктимена и третий геквет остались внизу.

– Ты дважды предатель, Прет, – заговорила девушка. – Брат мой, не верь ему, не верь его отцу... Прикажи их убить!

– Ты кровожадна, царевна, – Прет чарующе улыбнулся. – Будь справедлива! Двадцать пять лет назад Ифимедей не тронул детей Главка. Моего друга Мантоса воспитали во дворце. В наших бедах виноват только Ифимедей, и он расплатится. Я не предатель. Разве помощь законному ванакту микенскому – измена?

– Прет, – вмешался я, – как ты меня узнал?

– По шлему, – усмехнулся он. – Кроме того, ты очень похож на отца, ванакт. Мне было лишь пять лет, но я хорошо запомнил Главка. Кстати, царевна, если тебе так сладка месть, разузнай, кто действительно убил его.

– Что?! – Девушка была уже готова броситься на Прета, и я предостерегающе поднял руку. Третий геквет вновь усмехнулся и поклонился Ктимене.

Из дворца доносился шум, но никаких признаков сражения я не уловил. В дверном проеме показался Мантос.

– Ванакт! – он быстро сбежал по ступенькам и на мгновение остановился, переводя дыхание. – Скир отвел своих людей. Путь свободен!

Я кивнул и шагнул вперед.

...Несколько ступенек, распахнутые бронзовые двери, и снова лестница, освещенная факелами. По бокам застыла стража. Увидев нас, воины дружно ударили копьями о щиты. Я махнул рукой и взбежал по ступенькам, оказавшись в широком коридоре. Здесь тоже горели факелы, стояла стража, а у дверей я заметил моих козопасов. Послышались радостные крики. Я вновь махнул рукой и пошел дальше.

Снова дверь. За нею была тьма. Я с трудом разглядел силуэты приземистых колонн.

– Тронный зал, – шепнула Ктимена, не отстававшая от меня ни на шаг. – Здесь твой трон, брат...

Кто-то из козопасов принес факелы, и я наконец сумел разглядеть то, что скрывала темнота. После виденных мною дворцов и, конечно, после Большого дворца в Баб-Или, где я часто бывал, тронный зал микенских ванактов показался небольшим и каким-то голым. Трон стоял справа, по стенам расползались разноцветные фрески, а все это окружали уже замеченные мною колонны. Крысиная нора...

Вслух я ничего говорить не стал и, решив, что созерцание трона закончено, повернулся к Мантосу:

– Где Ифимедей?

Красивое лицо лавагета скривилось в злой усмешке, и он показал на дверь в глубине зала. Мы прошли вдоль колоннады, оказавшись в еще одном коридоре, на этот раз узком и коротком. Здесь было светлее. Стража равнодушно взглянула на нас, но кто-то крикнул: «Ванакт!» – и послышался знакомый звук: копья ударили о щиты.

В конце коридора примерно дюжина козопасов топталась у высокой запертой двери. Увидев меня, они поспешили расступиться.

– Он там! – Мантос указал на дверь наконечником копья. – Подземный ход мы перекрыли, ванакт.

Я кивнул. Пока все делалось без меня, теперь же начиналась моя работа.

– Прикажи, пусть приведут эту суку, – прошептала Ктимена. – Мы убьем их вместе!

Я поглядел на Мантоса, тот кивнул и подозвал кого-то из воинов. Возражать царевне я не мог – Ктимене и так пришлось отказаться от сорока семи голов, о которых она мечтала долгие годы. Но мысль о том, что придется убивать совершенно незнакомую девушку, не вызвала восторга. Дикие обычаи у моих земляков!

Впрочем, жалеть было поздно. Я шагнул к дверям и поудобнее взял в руки секиру. По крайней мере тут все на равных. Я – или он, и да будут Аннуаки милостивы к самому достойному!

...Первый удар легко разрубил тонкую медь, покрывавшую двери, и глубоко вошел в дерево. Створки дрогнули, но удержались на месте. Я ударил еще раз, полетела щепка, но дверь по-прежнему держалась. С запоздалым сожалением я понял, что лучше было взять обыкновенное бревно. Третий удар также не дал результата, я разозлился – и врезал от души, не жалея.

Послышался треск, я еле удержался на ногах – тяжелые створки медленно и нехотя стали растворяться.

Мой невидимый противник уже, конечно, не спал. Чуть пригнувшись, я прыгнул в темноту – и что-то просвистело совсем рядом, упало, со стуком покатило по полу. Копье! К счастью, кидавший его промахнулся. Итак, драться придется всерьез – я был хорошо виден, а мой противник прятался в темном углу...

Внезапно комната осветилась – рядом со мною стояла Ктимена, держа в руках факел.

Ифимедей был в трех шагах, неподалеку от широкого ложа, устланного цветными хеттийскими покрывалами. Ванакт успел накинуть хитон, в руках его был меч, на голове блестел рогатый шлем. Он был еще не стар – крепкий мужчина чуть ниже меня ростом, широкий в плечах, без капли лишнего веса. Загорелое лицо казалось спокойным, на широких губах блуждала усмешка.

– Ага! Ты привела убийц, костлявая шлюха! – Ванакт захохотал и не спеша надел на руку щит. – Интересно, чем ты станешь им платить?

Ктимена побледнела и отшатнулась. Ифимедей скользнул по мне взглядом и вновь засмеялся:

– Ага! Самозванец! Ты вырядился в царские одежды, дурак, но от этого тебе не стать ванактом. Ну-ка поглядим, какого цвета твоя кровь!

Мои земляки любят пышные речи. Пока он изгалялся, я быстро оценил обстановку. Мужчина он крепкий, драться, кажется, умеет, но я моложе, и секира надежнее меча.

– Ну-ка, болван в царском фаросе! – Ифимедей повернулся ко мне. – Погляди на меня, прежде чем умереть!

– Это все слова! – Я отбросил ненужный щит и взял «черную бронзу» двумя руками. – Много болтаешь, старик.

В его взгляде мелькнуло удивление, и я понял, что говорю на языке Баб-Или. Ифимедей еще раз посмотрел на меня, и тут, наконец, наши глаза встретились. Повинуясь какому-то наитию, я не спеша сдвинул шлем на затылок, открывая лицо.

...Послышался легкий стук – его меч упал на пол.

– Главк... – Глаза ванакта стали пусты и бессмысленны. – Ты...

Да, боги любят шутить. Теперь я не удивлялся, почему богоравный Арейфоой так заинтересовался бывшим царским мушкенумом. Для Ифимедея эта шутка вышла не очень смешной.

- Главк... - Голос стал еще тише. - Зачем ты?.. Ведь ты должен знать...

Я шагнул вперед, но он даже не подумал закрыться щитом. Лицо побледнело, Ифимедей пошатнулся - и без звука упал навзничь, словно невидимая стрела попала ему в сердце.

Вав

«Комнату заполнили воины»

Комнату заполнили воины. Мантия склонился над неподвижным телом и тут же выпрямился.

- Гадес призвал его к себе. Это суд божий, ванакт!

- Боги поразили узурпатора! - крикнул кто-то, и комнату захлестнул дружный вопль:

- Он мертв! Ифимедей мертв! Боги поразили его!

Я все еще стоял на месте, медленно приходя в себя. Боги могут поразить человека - в этом никто не сомневался. Правда, им не требуется ни молния, ни огонь. Стоит лишь даровать врагу слабое сердце. Ифимедей увидел призрак - и этого оказалось достаточно. Интересно, что значат его слова? О чем должен был знать покойный Главк?

- Слава ванакту Клеотеру! - крик вырвался наружу, отозвавшись по всему дворцу. - Слава Клеотеру! Да живет он вечно!

- Брат! - Ктимена прижалась ко мне, ее плечи беззвучно подрагивали. - Ты победил! Наш отец отомщен!..

Я погладил ее по голове и растерянно оглянулся. Бой кончился, так и не начавшись, а что делать дальше, я совершенно не представлял.

– Пусть все соберутся в тронном зале, – послышался негромкий голос. Прет, сын Скира, стоял рядом, и лицо его на этот раз было серьезно. – Прикажи усилить караулы во дворце и у городских ворот. Пусть твой новый лавагет лично обойдет улицы и наведет порядок.

– Верно...

Я очнулся и поискал глазами Мантоса, но тот уже был рядом.

– Ванакт не нуждается в твоих советах, Прет. Я послал стражников к воротам и на улицу. Город спокоен. Скажи своему отцу, чтобы он шел домой и не показывался на глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мушкенум – царский служащий в Вавилоне.

2

Ванакт – титул правителя в микенской Греции, условно аналогичный царскому или императорскому.

3

Название разделов – согласно буквам финикийского алфавита.

4

Хаттусили – хеттская держава.

5

Вилюса – Илион.

6

Адад – один из богов Вавилона. Далее упоминаются также боги Аннуаки, Бел-Мардук, богиня Иштар и чудище Тиамат.

7

Нин – Ниневия, столица Ассирии (Ассура).

8

Баб-Или — «Врата бога» – Вавилон.

9

Фарос – плащ.

10

Ахиява (Ахайя) – в широком смысле – Греция, в узком – Микенское царство; далее упоминается Микаса (Микены) и Аргуса (Аргос).

11

Басилей – обычно переводится как «царь». В описываемое время – царский наместник.

12

Толос – подземная гробница.

13

Троаса – Троя. Вилюса (Илион) и Троаса (Троя) – разные города, позже слившиеся в легендарную Троию Гомера.

14

Энси – правитель города в Вавилоне.

15

Лавает – военачальник, верховный главнокомандующий.

16

Гиппеты – «всадники», высшее сословие Микен.

17

Таршиш – финикийский порт в Испании.

18

Легендарный остров в Красном море, где обитало чудовище Хумбаба. Убито героем Гильгамешем.

19

Та-Кемт (Черная земля) – Египет.

20

Хлена – женская накидка.

21

Ушебти – статуэтка, изображающая умершего (в Древнем Египте).

22

Геквет – командир (или заместитель командира) отдельного отряда.

23

Шардана – древний народ, живший на побережье Черного моря. Шардана служили наемниками в странах Средиземноморья, в том числе в Микенах.

Купить: https://tellnovel.com/ru/valentinov_andrey/seryy-korshun

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)